

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

- Основное содержание произведений
- Биографии писателей
- Анализ текста
- Литературная критика
- Теория литературы

10
класс

«Астрель»

Игорь Родин

**Все произведения школьной
программы в кратком
изложении. 10 класс**

«Автор»

2003

Родин И. О.

Все произведения школьной программы в кратком изложении. 10 класс / И. О. Родин — «Автор», 2003

Помимо краткого содержания произведений (но вместе с тем достаточно подробного, чтобы ответить на любой вопрос), в книге содержатся конспекты критических статей, биографические сведения об авторах, анализ произведений и многое другое. Основной задачей авторов пособия было предоставить читателям то, что им может понадобиться при изучении литературы в школе. Поэтому в книгу вошли все произведения, составляющие школьную программу, а также те, которые изучаются факультативно («по выбору учащихся», «по выбору учителя»). Книга будет незаменимым помощником при повторении пройденного материала, а также при сдаче экзаменов. В конце пособия отдельным разделом помещены сведения по теории литературы, изучаемые в данном классе. В книгу также входят программные произведения зарубежных авторов, их биографические сведения и краткий очерк творчества.

© Родин И. О., 2003

© Автор, 2003

Содержание

От авторов	5
Из русской литературы XIX века	6
И. С. Тургенев	6
Краткие биографические сведения	6
Записки охотника	7
Хорь и Калиныч	7
Касьян с Красивой Мечи	9
Идейно-художественное своеобразие «Записок охотника»	10
Повести о первой любви	10
Ася	10
Первая любовь	14
Идейно-художественное своеобразие повестей	19
Рудин	20
Идейно-художественное своеобразие	29
Отцы и дети	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

И.О. Родин

Все произведения школьной программы по литературе в кратком изложении. 10 класс

От авторов

Данное учебное пособие уникально и не похоже на те, которые уже существуют. В первую очередь, это касается огромного охвата материала, который вошел в это издание. Помимо краткого содержания произведений (но вместе с тем достаточно подробного, чтобы ответить на любой вопрос), в книге содержатся конспекты критических статей, биографические сведения об авторах, анализ произведений и многое другое. Основной задачей авторов пособия было предоставить читателям то, что им может понадобиться при изучении литературы в школе. Поэтому в книгу вошли все произведения, составляющие школьную программу, а также те, которые изучаются факультативно («по выбору учащихся», «по выбору учителя»). Книга будет незаменимым помощником при повторении пройденного материала, а также при сдаче экзаменов.

В конце пособия отдельным разделом помещены сведения по теории литературы, изучаемые в данном классе.

В книгу также входят программные произведения зарубежных авторов, их биографические сведения и краткий очерк творчества.

Успехов Вам на поприще изучения литературы!

И. О. Родин

Из русской литературы XIX века

И. С. Тургенев

Краткие биографические сведения

Тургенев Иван Сергеевич

1818.28.10 (9.11) – родился в Орле в дворянской семье. Отец был офицером, участвовал в войне 1812 г. Детство провел в родовой усадьбе матери, селе Спасском-Лутовинове Орловской губернии, где атмосфера «дворянского гнезда» разительно контрастировала с крепостническим произволом.

1827—1829 – обучался в частном пансионе в Москве.

1833 – поступил в Московский университет.

1834 – перевелся в Петербургский университет на словесное отделение философского факультета. Первый литературный опыт – подражательная романтическая поэма («Стено»), посвященная герою демонического склада.

1836—1838 – начинает печататься, критические статьи (в журнале «Современник»), лирические стихи, стихотворные поэмы.

1837 – окончил университет.

1838—1841 – продолжал обучение за границей, слушал лекции в Берлинском университете. В Берлине, а затем в Риме сблизился с Н. В. Станкевичем, М. А. Бакуниным.

1842 – выдержал в Петербургском университете экзамен на степень магистра философии, совершил еще одну поездку в Германию. По возвращении служил в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений (1842—1844).

1843 – сближается с В. Белинским, который оказал большое влияние на мировоззрение и литературную деятельность Тургенева. Знакомство с французской певицей П. Виардо.

1843—1851 – пишет статьи, пьесы, жанровые сцены, в которых отразилось влияние Гоголя (в части изображения «маленького человека») и предвосхищалась психологическая манера Достоевского.

1852 – в журнале «Современник» напечатано более двадцати очерков из «Записок охотника». За статью-некролог о Гоголе, но, в сущности, за антикрепостническую направленность «Записок охотника», арестован и сослан в село Спасское-Лутовиново под присмотр полиции, где написал повесть «Муму», по своей антикрепостнической направленности примыкающую к «Запискам охотника».

1856 – роман «Рудин» и другие произведения, в которых разрабатывался тип «лишнего человека».

1859 – роман «Дворянское гнездо».

1860 – роман «Накануне». Разрыв с журналом «Современник» из-за несогласия в вопросе, как следует проводить реформирование страны. В этот период Тургенев начинает склоняться к мысли, что основным является просвещение народа, а не переустройство государственных механизмов, т. к. только просвещенный народ может получить гражданские свободы и воспользоваться ими.

1862 – роман «Отцы и дети».

1863—1882 – романы «Дым», «Новь», повести «Фауст», «Ася», «Призраки» и др., стихотворения в прозе.

1870-е гг. – живет в Париже, сближается с деятелями народнического движения – Г. А. Лопатиным, П. Л. Лавровым, С. М. Степняком-Кравчинским, материально поддерживает народнический журнал «Вперед». Следит за развитием русского и французского искусства, входит в кружок крупнейших французских писателей – Г. Флобера, Э. Золя, А. Доде, братьев Гонкур, где пользуется репутацией одного из крупнейших писателей-реалистов. Ж. Санд, Г. Мопассан признавали себя учениками Тургенева. Критика скандинавских стран (где особенно был популярен роман «Рудин») отмечала «тургеньевский элемент» в пьесах А. Стриндберга.

Деятельность Тургенева в области литературы, науки и искусства была высоко оценена во Франции и Англии.

1878 – избран вице-президентом Международного литературного конгресса в Париже.

1879 – Оксфордский университет присваивает Тургеневу степень доктора права.

Во время приездов в Россию (1879, 1880) Тургенев участвует в чтениях в пользу Общества любителей российской словесности.

1880 – выступает с речью о Пушкине.

1883 – умер близ Парижа, похоронен в Петербурге.

Записки охотника

Хорь и Калиныч

Рассказ начинается рассуждением автора о том, чем и как различаются люди, живущие в Орловской губернии и Калужской. «Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит изподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах». Сравнивается внешний вид селений (также не в пользу Орловской деревни). В смысле охоты Калужская губерния также лучше.

В качестве охотника посещая Жиздринский уезд, автор познакомился с одним калужским помещиком – Полутыкиным. Помещик был чудаковатый, имел свои некоторые слабости, но отличался гостеприимством. В первый же день он пригласил автора переночевать к себе в имение. Однако до имения было далеко, поэтому вначале Полутыкин предложил зайти к Хорю, одному из своих мужиков. Помещик с гостем отправляются на выселки, но Хоря не оказывается дома. Они видят лишь избу, в которой нет ничего лишнего (есть только образ, лампадка, необходимая мебель). В избе находятся шестеро детей Хоря разных возрастов. Не дождавшись хозяина, гости уезжают. За ужином автор спрашивает Полутыкина, почему Хорь у него живет отдельно, и тот рассказывает, что примерно 25 лет назад дом Хоря в деревне сгорел и он пришел к отцу Полутыкина с просьбой переселить его на болото, на выселки, пообещав за такое разрешение платить хороший оброк. Полутыкин-старший согласился и положил Хорю оброку 50 рублей. Тот повел хозяйство как подобает, разбогател и теперь платит уже целых 100 рублей оброку. Полутыкин сказал, что он даже собирается «еще накинуть». Полутыкин неоднократно предлагал Хорю откупиться, но тот отказывался, ссылаясь на то, что у него якобы нет денег.

На следующий день автор с Полутыкиным опять отправляются на охоту. Полутыкин заглядывает в одну из изб и берет с собой мужика, Калиныча, крестьянина лет сорока, высокого, худого. Калиныч, как о нем отзываются все в округе, очень добрый человек. Он крайне заботливо относится к своему хозяину, присматривая за ним, как «за малым дитем», уважительно – к гостю «прислуживая ему, но без раболепства». В полдень, когда жара становится особенно сильной, Калиныч отводит их к себе на пасеку, угощает свежим медом. За разговором Полутыкин сообщает автору, что хотя Калиныч добрый, услужливый и щедрый мужик, все

же содержать хозяйство в исправности не может, так как Полутыкин его все время отвлекает: то берет с собой на охоту, то по другим нуждам.

На следующий день Полутыкин уезжает по делам в город. Автор один идет на охоту, а на обратном пути заворачивает к Хорю. На пороге избы его встречает старик – лысый, низкого роста, плечистый. Это был Хорь. Автору он напоминает Сократа: «такой же высокий шишковатый лоб, такие же маленькие глазки, такой же курносый нос». Беседуя с Хорем о разных предметах (о посеве, об урожае, о крестьянском быте), автор отмечает, что тот «себе на уме». Так, например, на вопрос, почему он не откупится от барина, Хорь не отвечает напрямую, но вместе с тем дает понять, что за барином ему спокойнее, так как он «своего барина знает, и оброк свой знает». Ночевать автор остается на сеновале у Хоря, а утром, за завтраком, отмечает, что все в семье Хоря народ рослый, здоровый. Автор удивляется, почему все дети, даже взрослые, со своими собственными семьями, живут вместе с Хорем. Тот отвечает, что никого не неволит, что «сами хотят, так и живут». Лишь один его сын не женат, Федя. Хорь пытается уговорить сына жениться, а на вопрос Феде, зачем ему жениться и «что в бабе хорошего», Хорь разъясняет: «Баба – работница, баба – мужику слуга». Внезапно к Хорю в гости приходит Калиныч. Он приносит в руках пучок полевой земляники и отдает его своему другу Хорю. Автор удивляется наличию в мужике таких «нежностей».

Автор отправляется на охоту и попутно размышляет о двух, казалось бы, противоположных, но вместе с тем дополняющих друг друга характерах Хоря и Калиныча. Хорь был «человек положительный, практический, административная голова, рационалист», Калиныч – напротив, принадлежал к числу «идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных». Хорь понимал действительность, он обустроился, накопил денег, ладил с барином и прочими властями; Калиныч ходил в лаптях и перебивался коекак. Хорь расплодил большое семейство, покорное и единоедушное; у Калиныча была когда-то жена, которую он боялся, а детей не было вовсе. Хорь насквозь видел господина Полутыкина, Калиныч благоговел перед своим господином. Хорь говорил мало, посмеивался, был «себе на уме»; Калиныч говорил с жаром, хотя «и не пел соловьем, как бойкий фабричный человек». У Калиныча были и некоторые достоинства, отсутствовавшие у Хоря (которые признавал и сам Хорь): например, он заговаривал кровь, испуг, бешенство, выгонял червей, пчелы ему давались. Хорь лично попросил Калиныча вести в конюшню только что купленную лошадь, что тот и сделал. Калиныч как бы стоял ближе к природе, а Хорь – к людям и обществу. Калиныч не любил рассуждать и всему верил слепо. Хорь возвышался даже до иронического взгляда на жизнь. Он много видел, много знал. Хорь живо интересуется новым – узнав, что автор бывал за границей, он спрашивает о тамошних административных и государственных устоях, обычаях. Калиныч, напротив, больше интересовался описаниями природы, гор, водопадов. Автор делает вывод, что «Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя. Он мало занимается своим прошлым и смело глядит вперед. Что хорошо – то ему и нравится, что разумно – того ему и подавай, а откуда оно идет, – ему все равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов». Несмотря на обширные знания и эрудицию, Хорь, в отличие от Калиныча, читать не умел. Баб Хорь презирал «от глубины души» и «в веселый час тешился и издевался над ними». Хорь часто подтрунивал над Калинычем, что он не умеет жить и что даже сапог не может стробовать себе с хозяина. Калиныч обладал хорошим голосом и часто пел.

Хорь охотно подпевал ему. У Калиныча на пасеке было очень чисто (иначе пчелы бы жить не стали), Хорь особой чистоты не придерживался. Хорь интересуется, есть ли у автора вотчина, и когда тот отвечает, что есть, но он там не живет, а «больше с ружьишком пробавляется», Хорь говорит «ну и правильно, батюшка делаешь. Стреляй себе на здоровье тетеревов да старосту меняй почаще».

Касьян с Красивой Мечи

Автор возвращается в телеге с охоты. Путь пересекает траурный поезд: священник и мужики с обнаженными головами несут гроб. В народе считается, что встретить на дороге покойника – дурная примета. Через некоторое время возница останавливается, сообщает автору, что у их телеги сломалась ось, и добавляет, что по сопровождающим гроб бабам узнал, кого хоронят (Мартына-плотника).

На сломанной оси автор и возница кое-как добираются до Юдиных выселок, состоящих из шести маленьких низеньких избушек. В двух избах не обнаруживается никого, наконец, во дворе третьего дома автор натывается на человека, спящего на припеке. Разбудив его, он обнаруживает, что это «карлик лет пятидесяти, маленький, с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми густыми черными волосами». Карлик был чрезвычайно худым и тщедушным. Автор спрашивает, где можно достать новую ось, карлик в ответ интересуется, уж не охотники ли они. Получив утвердительный ответ, карлик говорит: «Пташек небесных стреляете, небось? Да зверей лесных? И не грех вам божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?» Автор удивляется, но тем не менее повторяет свою просьбу. Старик отказывается, говорит, что никого нет, что помочь некому, а сам он устал, так как ездил в город. Автор предлагает заплатить, старик от платы отказывается. Наконец карлик соглашается отвести путников на вырубку, где, по его словам, можно найти хорошую дубовую ось. Возница, увидев карлика, здоровается с ним, называя Касьяном, и сообщает о встреченной по дороге траурной процессии, упрекает Касьяна, что он не вылечил Мартына-плотника (Касьян – лекарь).

Касьян провожает автора и возницу до вырубki, затем спрашивает автора, куда тот направляется, и, узнав, что на охоту, просится с ним. По дороге автор наблюдает за Касьяном. Касьян ходит необыкновенно проворно и подпрыгивает на ходу, не случайно односельчане прозвали его «блоха». Касьян пересвистывается с птицами, нагибается, срывает какие-то травки, кладет их за пазуху, бормочет что-то себе под нос, время от времени поглядывает на автора странным, пытливым взглядом. Они долго ходят, дичь не попадает. Наконец автор замечает какую-то птицу, стреляет, попадает. Касьян в это время закрывает глаза рукой и не шевелится, затем подходит к тому месту, где упала птица, качает головой и бормочет, что это грех. Следует описание прекрасного дня, одухотворенной русской природы. Внезапно Касьян спрашивает, для чего «барин» пташку убил. Когда автор отвечает, что коростель – дичь и его есть можно, Касьян возражает, что автор убил его вовсе не из-за того, что был голоден, а для потехи своей.

Говорит, что «вольная птица» человеку в пищу «не положена», что ему отпущены другие еда и питье – «хлеб, воды небесные да тварь ручная от древних отцов (куры, утки и проч.)». Когда автор интересуется, не грешно ли, по мнению Касьяна, и рыбу убивать, тот отвечает, что «рыба – тварь немая, у нее кровь холодная», что она «не чувствует», а кровь – «святое дело». Автор спрашивает, чем живет Касьян, чем промышляет. Тот отвечает, что живет, «как господь велит», а по весне соловьев ловит, но не убивает их, потому что «смерть и так свое возьмет». Вспоминает он о Мартыне-плотнике, который «недолго жил и помер, а жена его теперь убивается о муже, о детках малых». Пойманных соловьев Касьян отдает «добрым людям». Автор недоумевает и спрашивает, чем еще занимается Касьян. Тот отвечает, что ничем больше не занят, так как из него работник плохой. Однако он грамотный. Семьи у него нет. Тогда автор спрашивает, действительно ли Касьян лечит. Получив утвердительный ответ, автор интересуется, отчего тогда Касьян не вылечил Мартына-плотника. Касьян говорит, что поздно узнал о болезни, а кроме того, все все равно умирают тогда, когда кому на роду написано. Далее Касьян рассказывает, что родом сам с Красивой Мечи – села верст за сто отсюда, что пересе-

лили их сюда года четыре назад. Касьян вспоминает о красоте своих родных мест, говорит, что не прочь побывать на своей родине. Оказывается, что Касьян много «ходил» – и в Симбирск, и в Москву, и на «Оку-кормилицу», и на «Волгу-матушку», «много людей видел» и «в городах побывал честных». В родные места, несмотря на это, не заходил, и теперь об этом жалеет. Касьян начинает напевать песенку, которую сочиняет здесь же, на ходу. Это удивляет автора.

Внезапно автор и Касьян встречаются девочку лет восьми, с которой Касьян здоровается и по отношению к которой автор замечает у своего спутника непонятную нежность. Автор спрашивает, уж не дочь ли это его, но Касьян уклоняется от ответа, называя девочку «сродственницей». Больше автору ничего из Касьяна вытянуть не удастся. После возвращения на высылки, Касьян вдруг признается, что это он всю дичь барину «отвел». Автор скептически относится к такому заявлению. Аннушки (которую автор и Касьян встретили в лесу) в избе нет, зато стоит кузовок с грибами, которые она собирала. Касьян вдруг делается молчалив и неприветлив, еда и питье для лошадей гостей оказываются плохие. Починив ось, автор и возница с неудовольствием уезжают. Дорогой автор пытается выпросить у возницы, что за человек Касьян. Тот отвечает, что «чудной человек», сетует на то, что он не работает, а «болтается что овца беспредельная». Кучер ругает Касьяна, говоря, что он человек «несообразный и бесполезный», хотя и признает, что поет он хорошо. На вопрос о том, как лечит Касьян, возница отвечает, что лечит плохо, что все это ерунда, хотя упоминает, что самого его Касьян вылечил от золотухи. На вопрос, кто такая девочка, живущая в доме Касьяна, возница отвечает, что сирота, что матери ее никто не знает, что, возможно, Касьян является ее отцом – уж больно она на него смахивает – до конца об этом никому ничего не известно. Под конец возница предполагает, что Касьян еще чего доброго вздумает Аннушку грамоте учить, поскольку такой уж он «непостоянный, несоразмерный» человек.

Идейно-художественное своеобразие «Записок охотника»

Основное значение «Записок охотника» состоит в том, что в литературу были введены образы крепостных крестьян. Они сами, их быт, надежды и представления о жизни стали предметом литературного исследования. Тургенев показал внутреннюю сложность простого человека и вместе с тем красоту. Именно глубиной психологического исследования отличаются произведения Тургенева от такого жанра, как «физиологический очерк», который в 40-е—50-е гг. был довольно популярен (напр., сборник «Физиология Петербурга») и который был скорее произведением ознакомительным и описательным, а не аналитическим. Определенная очерковость присутствует и в «Записках охотника» Тургенева, но это уже не просто описания, это в первую очередь психологические портреты. Показанная Тургеневым в конкретных образах душевная красота крестьян приходила в вопиющее противоречие с их реальным бесправным положением, поэтому подспудно все «Записки охотника» несут ярко выраженный антикрепостнический пафос.

Повести о первой любви

Ася

Повествование ведется от имени некоего Н. Н. Ему было тогда лет 25, он только что «вырвался на волю» и уехал за границу – не столько продолжить образование, сколько посмотреть мир. Путешествуя без цели и плана, он наблюдал людей, заводил знакомства, не считая нужным посещать общеизвестные достопримечательности и памятники, так как они его мало интересовали. В конечном итоге Н. Н. останавливается в небольшом городке на левом берегу Рейна, где предается печали и одиночеству по поводу того, что его недавняя влюбленность в

молодую вдову, с которой он познакомился на водах, закончилась «коварной изменой» – она предпочла его «одному краснощекому баварскому лейтенанту». Городок был довольно тихим, изобиловал виноградниками и узкими извилистыми улочками. На другом берегу Рейна располагался другой городок, немного больше того, в котором поселился Н. Н. Однажды он сидит на своей любимой скамейке и слышит, что с противоположного берега доносится музыка. Спросив у проходящего мимо старика, что это такое, Н. Н. узнает, что это студенты приехали на «коммерш». Решив посмотреть на этот «коммерш», Н. Н. находит перевозчика и отправляется на другую сторону реки.

«Коммерш» – это праздник студентов одной земли или братства. Н. Н. наблюдает за праздником, внезапно до него доносится русская речь: кто-то обращается к девушке по имени Ася. Н. Н. знакомится с молодым человеком, Гагиным, и его, как он ее откомендовал, сестрой Асей. Несмотря на то, что Н. Н. избегал за границей русских, так как ему не нравилась та манера, с которой они держали себя здесь, Гагин ему понравился. Девушка, которую Гагин назвал своей сестрой, также показалась ему очень милостивой. Гагин и сестра приглашают Н. Н. к себе. Они приходят в небольшой дом, расположенный за городом, откуда открывается великолепный вид на Рейн (дом этот, по словам Гагина, нашла Ася). Ася была очень подвижная девушка, она «ни одно мгновение не сидела смирно, а вставала, убегала в дом и прибежала снова, напевала вполголоса, часто смеялась и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову». Просидев у своих новых знакомых часа два, Н. Н. отправляется домой. Ася и Гагин провожают его, помогая найти перевозчика. Ася любит ночью, говорит, когда Н. Н. отчаливает: «Вы в лунный столб въехали, вы его разбили». Н. Н. находится под впечатлением встречи, его интригует романтический облик Аси.

На следующий день к Н. Н. заходит Гагин. Во время беседы Гагин делится своими видами на жизнь, говорит, что занимается искусством, Н. Н. в ответ повествует историю своей трагической любви. В конце концов Гагин приглашает Н. Н. посмотреть свои этюды. Этюды называются средними, как правило, незаконченными. Н. Н. честно высказывает свое мнение, и Гагин с ним соглашается. Ася, как выясняется, ушла «на развалину», и Гагин с Н. Н. идут ее разыскивать. Асю они находят на развалинах, она взбирается на уступ. Несмотря на ее милостивость, Н. Н. начинает относиться к ней неприязненно, так как чувствует в ее поведении что-то напряженное, не совсем естественное, словно девушка все время хочет их чем-то удивить, в частности, устраивая эксцентричные детские выходки. Например, она покупает у старушки, торгующей неподалеку всякой всячиной, стакан воды и заявляет, что пить вовсе не хочет, а намеревается полить цветы, растущие на развалинах. Она снова начинает лазить по развалинам, смеется, видя испуг на лицах своих спутников. Все ее поведение как бы говорит: «Вы находите мое поведение неприличным, все равно, я знаю, вы мной любуетесь».

Гагин покупает кружку пива и провозглашает тост за даму сердца Н. Н. Ася интересуется, что это за дама и существует ли она на самом деле. Получив утвердительный ответ, она вначале смущается, но потом начинает снова шутить и улыбаться, порой вызывая и даже дерзко. Эксцентричность ее доходит до того, что по пути домой даже прохожие приходят в смятение. По возвращении домой она меняет линию поведения, так как, по мнению Н. Н., ей явно хотелось разыграть перед ним новую роль – «роль приличной, благовоспитанной барышни». После обеда Ася отправляется в гости к фрау Луизе, старушке, вдове бывшего здешнего бурмистра, которая очень полюбила Асю. Гагин разрешает ей пойти и упоминает, что «обязан быть с ней снисходительным». Н. Н. опять разговаривает с Гагиным об искусстве, впрочем, понимая, что художника из него не получится, так как он не привык кропотливо трудиться. Постепенно солнце садится, и друзья решают зайти к Асей. Та кидает им из окна веточку какого-то растения, которую Н. Н. кладет к себе в карман. Затем он идет к себе домой, по дороге ощущая

тоску по России. Он чувствует, что вполне излечился от своей страсти к бессердечной вдове, и начинает думать об Асе. Он начинает подозревать, что она вовсе не сестра Гагину.

На следующее утро он снова идет к Гагину, видит там Асю, она снова будит в нем воспоминания о России. Затем они идут с Гагиным на этюды, снова начинают умный и совершенно бесполезный спор об искусстве. Прийдя назад, они застают Асю за вполне обычными занятиями. Ни тени кокетства или эксцентричности Н. Н. на этот раз в ней не находит и не в состоянии упрекнуть ее в неестественности. Возвращаясь домой, он размышляет над тем, какой хамелеон эта девушка, а также над тем, сестра она Гагину или нет.

Проходит три недели. Н. Н. ежедневно навещает Гагина. Ася, похоже, избегает его и не позволяет себе тех шалостей, которые так удивили Н. Н. в первые два дня их знакомства. Постепенно Н. Н. понимает, что подобное поведение было вызвано именно застенчивостью. Он узнает, что до отъезда Ася долгое время жила в деревне. Один раз он застаёт ее за чтением французского романа, причем Ася весьма увлечена тем, что читает. В один из вечеров Н. Н. с Гагиным вслух читают «Германа и Доротею», нравоучительную книгу романтического плана. Ася, несколько раз пройдя мимо, в конце концов подсаживается и начинает внимательно слушать. Подобные перемены заставляют Н. Н. думать об Асе как о загадочном существе, его интерес подхлестывает и то, что Гагин относится к ней явно не как к сестре: слишком ласково, слишком снисходительно, но вместе с тем несколько принужденно. Однажды Н. Н. становится случайным свидетелем сцены между Асей и Гагиным: проходя мимо беседки, он слышит, как Ася говорит, что она хочет любить одного лишь Гагина, навсегда, на всю жизнь. Она обнимает его и целует. Н. Н. удаляется, окончательно утвердившись в своих подозрениях, в то же время не понимая, зачем было столь тщательно скрывать свои отношения.

На следующий день Н. Н. отправляется в горы, где бродит, наслаждаясь природой в течение нескольких дней. Возвратившись домой, он находит записку от Гагина, в которой тот сетует на его внезапное отбытие, а также на то, что он не взял его с собой. Гагин встречает Н. Н. по-приятельски, Ася же, напротив, снова ведет себя неестественно, смеется и тут же убегает. В продолжение разговора, во время которого Н. Н. рассказывает Гагину подробности своего путешествия в горы, Ася то вбегает, то снова убегает, так что в конце концов Н. Н., сославшись на неотложные дела, собирается уходить домой. Гагин вызывается проводить его. Переправившись через Рейн, приятели возобновляют диалог, и внезапно Гагин интересуется, какого Н. Н. мнения об Асе и не находит ли он ее поведение немного странным. Н. Н. честно признается, что находит. Тогда Гагин вызывается рассказать ее историю, чтобы объяснить эти странности.

Отец Гагина был человеком добрым, умным, образованным, но вместе с тем несчастливым. Жена его (мать Гагина) умерла, когда сыну было полгода, и отец воспитывал его сам. Однако его брат (дядя Гагина) стал убеждать отца Гагина отдать мальчика на воспитание ему, так как мальчику, по его мнению, было вредно жить в полном уединении. Со временем отец согласился, и Гагин переехал к дяде. Он окончил юнкерскую школу, из которой поступил в гвардейский полк. Ежегодно он приезжал к отцу, но с каждым годом находил его все более грустным и все более углубленным в себя. В одно из таких посещений Гагин в доме отца впервые встречается с худенькой черноглазой девочкой лет 10-ти, Асей. Отец говорит, что это сирота, взятая им на прокормление. Девочка была «дика, проворна и молчалива», и Гагин не обратил на нее особого внимания. В течение последовавших за тем 3—4 лет он не был у отца, который в письмах, если и упоминал об Асе, то лишь вскользь. Внезапно Гагин получил письмо от приказчика, в котором тот сообщил о смертельной болезни отца и умолял его приехать как можно быстрее. Умирая, отец приказал привести к себе Асю и взял с Гагина слово, что он сдержит его последнюю просьбу. Он поручает Асю заботам сына и признается, что это его дочь. Подробности Гагин узнал позже от отцовского камердинера. Ася оказалась дочерью его отца и бывшей горничной его матери, Татьяны. Отец сошелся с ней спустя некоторое время после смерти матери Гагина и даже хотел жениться на ней, но Татьяна отказывалась, мотивируя свой

отказ тем, что «какая уж она барыня». Она отказывалась переселяться к нему в дом и предпочитала жить с Асей у своей сестры. Но когда Татьяна умерла, отец взял Асю к себе. С Асей стали обращаться как с дочерью барина, «одевать в шелк, целовать руки, но вместе с тем она помнила о своей прежней простой жизни, она и стыдилась ее, и вместе с тем старалась забыть, и гордилась ею» и т. д.

Гагин постепенно привязывается к ней. Он привозит ее в Петербург. Однако несмотря на то, что Ася тоже успевает привязаться к нему, Гагин помещает ее в один из пансионов, поскольку обязанности службы не позволяют ему жить вместе с ней. Ася, хотя и понимает необходимость разлуки, тяжело ее переживает, даже болеет, однако затем проводит в пансионе четыре года. В пансионе часто на нее жаловались, подруг у нее практически не было, отношения с окружающими складывались сложно. Ася достигает возраста, после которого ее держать в пансионе нельзя. Гагин принимает решение уйти в отставку и уехать года на два с Асей за границу, что он и исполняет, поселившись в этом городке на берегу Рейна. Гагин упоминает о том, что внезапно на днях Ася стала говорить ему, будто он стал относиться к ней холоднее, что она хочет любить только его и т. д., т. е. упоминает о той сцене, которой Н. Н. явился невольным свидетелем. На вопрос Н. Н., не было ли у Аси увлечений, так как она жила в Петербурге и встречала достаточно молодых людей, Гагин отвечает, что все эти молодые люди ей не нравились и что Асе скорее бы подошел какой-нибудь необыкновенный человек или «живописный пастух в горном ущелье». Н. Н. говорит, что ему домой не хочется, и предлагает опять вернуться к Гагиным. Они возвращаются, Ася ласково встречает Н. Н., говорит, что рада его возвращению. Н. Н. разговаривает с Асей, она высказывает мысли, в которых чувствуется романтический взгляд на мир: ей нравятся сказки о Лорелейе, ей хочется пойти «куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг», прожить недаром. Она просит Н. Н. почитать из «Онегина», говорит о том, как было бы хорошо, если бы у людей были крылья и проч. Возвратившись домой, они под музыку танцуют вальс. Возвращаясь домой, Н. Н. просит пустить перевозчика лодку вниз по Рейну, ему чудится, что и небо со звездами, и вода, в которой небо отражается, – живые, что все это движется и имеет свою душу.

На следующий день, когда Н. Н. приходит к Гагиным, он застаёт Асю в несколько задумчивом расположении духа. На вопрос о причинах этого, Ася отвечает, что она очень много думала, что когда она воспитывалась у матушки, то ничему не училась и что теперь ей надо наверстывать упущенное, что ей надо перевоспитываться, так как она дурно воспитана, что она не умеет играть на фортепьяно, что шьет она плохо и что окружающим с ней, видимо, очень скучно. Она интересуется у Н. Н., нужно ли быть женщине умной, а также тем, что мужчины ценят в женщинах больше всего. Н. Н. пытается ее успокоить, но в этот момент Гагин спрашивает у него совета относительно своих этюдов, и Ася уходит. Через час Ася возвращается и задает вопрос, было бы Н. Н. ее жаль, если бы она вдруг умерла. Н. Н. удивляется такому вопросу, а девушка просит Н. Н. быть всегда и во всем с ней откровенным. Затем добавляет – в продолжение вчерашнего разговора, – что крылья у нее выросли, «да лететь некуда». На возражения Н. Н., что у нее все пути открыты, она отвечает, что он дурного мнения о ней. Гагин, заметив невеселое расположение духа Аси, предлагает, «как вчера», сыграть вальс. Та восклицает: «Нет! Нет! Сегодня – ни за что!»

Н. Н. возвращается домой, гадая, любит его Ася или нет, но на следующий день видит Асю лишь мельком, так как она неважно себя чувствует. Он бродит по городу. Внезапно его останавливает какой-то мальчик и передает от Аси записку, в которой та пишет, что непременно должна видеть Н. Н., назначает ему свидание возле каменной часовни. Н. Н. через мальчика передает, что он будет. Н. Н. возвращается домой, к нему приходит Гагин и по-дружески сообщает, что Ася, похоже, влюблена в Н. Н., затем рассказывает, что накануне с ней сделалась лихорадка, что она просила Гагина немедленно увезти ее отсюда, если он хочет, чтобы она осталась в живых. Затем она призналась Гагину, что влюблена в Н. Н. и что влюбилась с первого

взгляда. Гагин добавляет, что Ася взяла с него обещание на следующий же день уехать отсюда. Гагин спрашивает, нравится ли ему его сестра. Н. Н. отвечает утвердительно, но добавляет, что он не может немедленно жениться на ней, так как их отношения с Асей еще не давали к тому повода. Н. Н. показывает Гагину записку от Аси. Тот благодарит его, и вместе они решают, что Н. Н. должен отправиться на свидание и честно объясниться с Асей. Н. Н. терзается, но в конечном итоге решает, что «жениться на семнадцатилетней девочке, с ее нравом, – как это можно». Отправившись на свидание, Н. Н. снова встречает мальчишку-посыльного, который передает ему, что Ася назначила другое место свидания – дом фрау Луизы. Н. Н. приходит в комнату, где находится Ася, и, несмотря на принятое решение, все же поддается ее обаянию, обнимает ее, целует. Затем внезапно вспоминает о Гагине и сообщает Асе о том, что ее брат все знает, упрекает ее за то, что она сама ему обо всем рассказала. Ася говорит, что она позвала Н. Н., чтобы проститься, Н. Н. упрекает ее за то, что она не дала развиваться чувству, «которое начинало созреть, сама разорвала их связь». Н. Н. тем самым разыгрывает некую роль, чтобы образумить девушку. Ася начинает плакать, падает на колени, Н. Н. поднимает ее, девушка неожиданно вырывается и убегает. Н. Н. уходит из города, бродит по полям, досадуя на себя за такое поведения, жалея, что играл глупую роль, что лишился такой чудесной девушки. С наступлением ночи Н. Н. отправляется к дому Гагиных и узнает, что Ася еще не возвращалась. Вместе с Гагиным они отправляются ее искать и расходятся в разные стороны. Н. Н. ищет Асю, бегаёт по берегу, и ему кажется, что в нем проснулась любовь. Он терзается тем, «что она с собой сделала», «куда пошла», чувствует отчаяние. Бесплодно пробежав по берегу, он возвращается в дом Гагиных и узнает, что Ася вернулась. Н. Н. хочет просить у Гагина руки его сестры, но из-за того, что уже достаточно поздно, откладывает свое предложение до завтра. Он прощается и уходит. В предвкушении счастья дорогой он останавливается возле дерева, на котором поет соловей.

На следующее утро он приходит к Гагиным и видит, что все окна дома раскрыты, а обитатели уехали. Н. Н. передают письмо от Гагина, в котором тот извиняется и прощается с ним. Узнав, что Гагины поплыли вниз по Рейну, взяв билеты до Кельна, Н. Н. возвращается к себе и начинает укладывать вещи, собираясь отправиться следом. Однако проходя мимо дома фрау Луизы, Н. Н. слышит, как его кто-то окликает. Фрау Луиза передает ему маленькую записку от Аси, в которой она прощается с ним, говорит, что они не увидятся более, пишет, что если бы вчера, когда она плакала перед ним, он сказал всего одно лишь слово, она бы осталась, но так как он его не сказал, для нее лучше всего уехать. Н. Н. терзается, упрекает себя в том, что он упустил такую нежную, чувствительную девушку, которая его любила, что он «упустил любовь». Вернувшись, он берет вещи и отправляется за Гагиными в Кельн, но там узнает, что они уехали в Лондон. В Лондоне ему также не удается их разыскать. Более Н. Н. с Гагиными не встречался, лишь однажды, несколько лет спустя, он мельком за границей видел в вагоне железной дороги лицо женщины, которое ему напомнило «незабвенные черты». Но это было лишь внешнее сходство. Ася для него навсегда осталась юной девушкой, которой она предстала перед ним на берегах Рейна. Впрочем, он недолго тосковал по ней и даже впоследствии думал, что судьба хорошо распорядилась, не соединив его с Асей, так как он вряд ли был бы счастлив с такой женой. Однако это острое чувство любви, которое возникло у Н. Н. во время его короткого романа с Асей, не повторялось более никогда. Он так и не женился и лишь хранит, как святыню, ее записочки и высохшую веточку герани, которую она когда-то бросила ему из окна.

Первая любовь

После разъезда гостей у хозяина имения остаются двое – Сергей Николаевич и Владимир Петрович. За беседой они договариваются, чтобы каждый рассказал о своей первой любви. Сергей Николаевич заявляет, что у него не было первой любви, так как он впервые ухаживал

за одной миленькой барышней так, словно это дело ему было не внове. Хозяин говорит, что в его первом опыте также не было ничего необычного, так как до знакомства с женой он ни в кого не влюблялся, а с ней у него все шло гладко: отцы сосватали, скоро они полюбились друг другу и вступили в брак.

И лишь Владимир Петрович рассказал, что его первая любовь была не совсем обыкновенная. Однако на просьбы рассказать, он ответил, что лучше все напишет. Через две недели мужчины снова сошлись. Владимир Петрович сдержал свое обещание, и далее приводится то, что было в тетрадке.

Владимиру Петровичу в то время было 16 лет. Жил он у родителей, которые снимали дачу возле Калужской заставы. Владимир Петрович готовился тогда в университет, однако никто не стеснял его свободы, он делал, что хотел, отец обходился с ним равнодушно-ласково, мать почти совсем не обращала на него внимания, несмотря на то, что Володя был единственным ребенком. Отец женился на его матери (которая была на 10 лет его старше) по расчету, держался с ней холодно, отдаленно, а та, в свою очередь, его постоянно ревновала, волновалась и сердилась.

Владимир гуляет по Нескучному саду, наслаждается прекрасной погодой, и в нем блуждает «предчувствие чувства», которому вскоре суждено посетить его душу.

В один прекрасный день на соседней даче появляется некая княгиня Засекина, не богатая, если судить по тому, что в качестве дачи она сняла достаточно ветхий маленький флигель.

Владимир часто пробавлялся тем, что в саду подкарауливал ворон с ружьем (ворон он отчего-то не любил). Однажды он слышит за забором голоса, заглядывает за него и видит девушку – стройную и красивую. Он принимается глядеть на нее, но внезапно слышит чей-то голос, сказавший, что непозволительно таким образом таращиться на чужих барышень. Владимир смущается и, преследуемый звонким смехом девушки, убегает к себе. Владимир чувствует непонятное волнение и начинает размышлять о том, как бы познакомиться с соседями.

На следующий день, пока Владимир бродит перед соседской дачей, надеясь каким-то образом познакомиться с ее обитателями, его матушка получает письмо от соседки, в котором княгиня просит ее оказать покровительство и походатайствовать перед своими знакомыми, важными особами, о ней (она с кем-то судится). Владимира посылают к княгине ответить, что матушка готова оказать содействие и покровительство. Во флигеле оказывается довольно неопрятно, княгиня также не внушает особой симпатии Владимиру. Передав ответ, он сталкивается с девушкой, которую видел накануне. Девушку зовут Зина, она дочь княгини. Владимир представляется. Княжна предлагает Владимиру, которого тут же начинает называть «Вольдемар», помочь распутать ей шерсть. Тот соглашается. Княжне оказывается 21 год, и она разговаривает с «Вольдемаром» покровительственным тоном. Себя же просит называть Зинаидой Александровной. Несмотря на то, что княжна относится к нему как к ребенку, Владимир счастлив, что познакомился с ней. Внезапно появляется молодой гусар Беловзоров, который приносит Зинаиде котенка, которого он ей вчера «обещал». Гусар целует у княжны ручку, Владимиру это неприятно, и он отправляется домой – уведомить матушку, что ее послание передано. Зинаида кричит ему вдогонку, чтобы он заходил почаще.

Княгиня, как и было условлено, навещает мать Владимира. Матери она не понравилась: мать нашла княгиню весьма вульгарной и кляузной женщиной. Отец вспоминает, что раньше слышал о покойном князе Засекине, который был отлично воспитан, но слыл пустым и вздорным человеком. Когда-то он был очень богат, долго жил в Париже, но проиграл все свое состояние и, видимо, из-за денег был вынужден жениться на столь непривлекательной особе. Матушка опасается, как бы княгиня не попросила денег взаймы. Владимир идет в сад, видит через забор Зинаиду, но она даже не отрывается от книги, которую в этот момент читает. В это время мимо проходит отец Владимира, он здоровается с Зинаидой, та отвлекается от книги и внимательно смотрит на него.

На следующий день перед обедом к родителям Владимира является княгиня с дочерью. Она тут же заговаривает о каких-то векселях, закладных и т. д. Зинаида тоже держит себя очень строго, даже надменно. Отец во время обеда занимает княжну разговором, на Владимира Зинаида не обращает абсолютно никакого внимания. Владимир крайне этим расстроен и очень удивляется, когда уже при прощании Зинаида, проходя мимо него, приглашает его к восьми к себе.

Прийдя по приглашению ровно в восемь, Владимир с изумлением видит княжну, которая стоит на стуле, а вокруг нее пятерых мужчин. Она держит в руках мужскую шляпу: вся компания играет в фанты. Один из билетов «выигрышный»: он дает право поцеловать княжну. Владимир тащит билет и выигрывает. Игра продолжается довольно долго: хохот не умолкает ни на минуту, выдумываются смешные гадания. Зинаида весь вечер отдает предпочтение Владимиру, и он совершенно пьянеет от счастья. Гости играют во множество различных игр, и лишь один Беловзоров, казалось, был не слишком доволен происходящим. Владимир возвращается домой, чувствуя себя совершенно влюбленным. Он не может ночью заснуть и предается грезам, на улице начинается гроза.

На следующее утро мать делает Владимиру выговор за то, что он вместо подготовки к экзаменам весь прошлый вечер проторчал у соседей. Однако выговор был не слишком строгим, и Владимир не стал возражать. Отец, напротив, не делает ему замечаний. Владимир размышляет о своем несколько двойственном отношении к отцу: отец мог вызвать его на открытость, умел быть щедрым и открытым, но вместе с тем почти в ту же минуту мог стать замкнутым, закрытым, и казаться совершенно чужим.

Владимир с отцом разговаривает откровенно о вчерашнем вечере, превозносит Зинаиду. Отец посмеивается. Затем седлает лошадь и выезжает из дому. Он заезжает к соседям, но, пробыв у них не более часу, отправляется в город.

Ближе к вечеру зайдя к Зинаиде, Владимир застаёт ее в несколько задумчивом и, как ему показалось, расстроенном состоянии. По просьбе ее матери, Владимир берется переписывать какое-то письмо.

Владимир влюбляется не на шутку, Зинаида догадывается об этом. Она откровенно потешается над его страстью, дурачит его, балует и одновременно мучает. Влюблен в нее был не один Владимир, все мужчины, посещавшие ее дом, были от нее без ума, и она «их всех держала на привязи – у своих ног». Над каждым из мужчин она издевается, к каждому находит «свой подход». Владимир совершенно перестает заниматься, Зинаида продолжает играть с ним, как кошка с мышью.

Однажды, когда Владимир заглядывает через забор, он видит Зинаиду, которая делает ему знак подойти к ней. Она бледна, опечалена, спрашивает у Владимира, любит ли он ее, говорит, что все ей опротивело, что ей тяжело, но на вопрос Владимира, в чем, собственно, заключается причина подобной печали, она не отвечает. Затем Зинаида просит почитать ей Пушкина, что Владимир беспрекословно исполняет. Затем они идут в дом, там Майданов, один из поклонников Зинаиды, читает поэму собственного сочинения, и на одну из строк этого романтического произведения Зинаида слишком остро реагирует, из чего Владимир делает вывод, что она сама влюбилась. Владимир начинает страдать, пытается понять, кто удачливый соперник. Молодой доктор, который периодически посещает дом княжны, предостерегает Владимира против чрезмерного увлечения Зинаидой, так как видит, что происходит с ним. Он говорит, что атмосфера этого дома для Владимира вредна и что надо быть осторожней. Зинаиду все чаще посещает меланхолическое настроение. Однажды под видом сюжета для поэмы она повествует присутствующим фантастическую историю о девушках-вакханках, одна из которых топится. Гости обсуждают сюжет. Майданов говорит, что это не может быть сюжетом для поэмы, а Владимир снова думает о том, что она кого-то полюбила.

При игре в сравнения Зинаида сравнивает облака, плывущие по небу, с парусами, которые везли Клеопатру на встречу с Антонием. Она интересуется, сколько лет в это время было Антонию, и кто-то говорит, что за сорок. Владимир по-прежнему гадает, кто ее избранник. Со временем она становится все более и более странной. Однажды Владимир приходит к ней и застаёт в слезах. Подозвав к себе, она вдруг хватается Владимира за волосы и начинает их крутить. На его возражения, что ему больно, она отвечает: «А мне не больно?» Затем ее настроение меняется, и она, увидев, что выдернула у Владимира маленькую прядь волос, говорит, что положит их к себе в медальон и будет носить, так как это должно Владимира немного утешить. Владимир возвращается домой и застаёт мать и отца за каким-то неприятным объяснением: мать отца в чем-то упрекает. Тот вежливо и холодно ей отвечает, а после сразу уезжает. Владимир начинает искать уединенных мест для одиноких прогулок. Однажды, забравшись на высокую стену разрушенной оранжереи, он видит Зинаиду, которая, заметив его, приказывает, если он ее любит, прыгнуть вниз, что Владимир и делает. На некоторое время он от удара теряет сознание, а очнувшись, видит, что Зинаида целует его и шепчет, что любит. Заметив, что он пришел в себя, она тут же меняет свое поведение на прежнее. Владимир счастлив, однако, придя на следующий день к Зинаиде, видит, что она ведет себя с ним вполне обычно. Он понимает, что всего лишь для нее ребенок. Появляется Беловзоров и сообщает, что достал для Зинаиды лошадь, как та просила. Однако выражает свое недовольство тем, что хотя Зинаида не умеет ездить на лошади, все же собирается это делать. На это Зинаида отвечает, что попросит ее научить Петра Васильевича (отца Владимира). Владимира удивляет, как легко она вспоминает имя его отца. Зинаида говорит, что лошадь ей нужна к завтрашнему утру, Беловзоров выражает свое неудовольствие по поводу такого решения, откланивается и уходит. Уходит и Владимир.

На следующий день, проснувшись рано, Владимир отправляется бродить по лугам и полям, чтобы унять свое горе. Он мечтает, представляет всевозможные романтические ситуации, во время которых спасет от какой-нибудь опасности Зинаиду и т. д. Внезапно на одной из тропинок он слышит стук копыт и видит Зинаиду и своего отца.

В продолжение последовавших шести дней Владимир почти не видит Зинаиду, так как она сказывалась больной. Прежние посетители флигеля тем не менее приходят, и каждый из них пребывает в раздраженном состоянии. Владимир замечает, что его появление производит на Зинаиду неприятное впечатление и что она его избегает. Владимир не может понять причин подобной перемены. Однако через некоторое время он сталкивается с ней в саду, и Зинаида сама протягивает ему руку. Владимир говорит, что она изменилась, спрашивает, когда она станет такой же, как прежде. На слова Владимира, что он ее любит, Зинаида предлагает быть друзьями. Она говорит, что жалуется на собственные пажи, целует и зовет с собой. Владимир снова чувствует в себе любовь. После обеда во флигеле собираются прежние гости, снова идет игра в фанты, но каждый из играющих должен на этот раз рассказать что-то фантастическое. Когда очередь доходит до Зинаиды, она рассказывает историю о прекрасной королеве, в которую влюблены все мужчины, находящиеся на балу, они преклоняются перед ней и т. д. А в это время где-то во дворе у фонтана ее ждет ее возлюбленный, на котором нет ни шелков, ни драгоценных камней, но для нее он господин, и она придет, когда он только пожелает. Затем Зинаида говорит окружающим, что каждый из них сделал бы с этим счастливецом у фонтана в соответствии со своим характером (кто-то бы вызвал на дуэль, кто-то подал бы отравленную конфетку). Малевский (один из поклонников) говорит о Владимире, что он, по должности пажа королевы, держал бы ей шлейф, когда бы она побежала к фонтану. Зинаида внезапно приходит в раздражение и пытается прогнать Малевского. Тот просит прощения и остается. Однако все чувствуют себя неловко и скоро расходятся. Владимир возвращается домой, гадает, кто этот «счастливец у фонтана».

На следующий день Малевский, встретив Владимира, советует ему по должности пажа внимательнее следить за своей королевой, в особенности ночью «возле фонтана». Владимир решает последовать этому язвительному совету, идет домой, достает нож, вспоминает романтические произведения – Шиллера, Байрона и проч. – и вечером отправляется караулить в сад. Услышав шаги, он видит человека и, к своему удивлению, узнает своего отца, закутанного в плащ и с надвинутой на лицо шляпой. Владимир пугается и возвращается к себе в комнату.

На следующий день к Зинаиде приезжает ее брат из Петербурга, кадет лет 12-ти, которого она тут же перепоручает Владимиру. Владимир гуляет с «кадетом», беседует с ним, но вечером, встретив Зинаиду, не выдерживает, плачет, упрекает ее, что она «играла» им, говорит о том, что он все знает. Зинаида в ответ винится перед ним, говорит, что любит его, хотя «ты не подозреваешь, почему и как». Через некоторое время они уже играют в салочки, Владимир смеется, так как, по его собственному признанию, «Зинаида делала со мной, что хотела».

Несколько дней Владимир по-прежнему терзается, но однажды, вернувшись к обеду с прогулки домой, с удивлением узнает, что его отец уехал, а мать нездорова. По лицам лакеев он догадывается, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Буфетчик рассказывает, что между отцом и матерью произошла жуткая сцена, что мать упрекала отца в неверности, в знакомстве с соседской барышней, что отец вначале оправдывался, а потом в ответ напомнил матери о ее возрасте, отчего та заплакала. Матушка упоминала о каком-то векселе, будто данном старой княгине, очень дурно отзывалась и о княгине и о барышне. Отец в ответ ей грозил. Буфетчик добавляет, что «вся беда» произошла из-за анонимного письма. Владимир спрашивает буфетчика, действительно ли все так, как представляется. Тот отвечает, что именно так все и обстоит, поскольку «этих делов не скроешь». Владимир потрясен, удивляется, как раньше не догадался.

На следующий день мать Владимира объявляет, что переезжает в город. Отец долго наедине о чем-то с ней разговаривает, а ближе к полудню Владимир замечает, как отец выводит из дома графа Малевского и выгоняет его со словами, что ему не нравится его почерк. Владимир терзается, никак не может понять, как Зинаида могла совершить такой поступок. Между тем мать и отец собираются ехать в город. Владимир идет к соседям. К нему выходит Зинаида, он прощается с ней, та просит его не быть о ней дурного мнения, не поминать лихом.

Владимир с родителями переезжают в город, время делает свое дело, прежняя любовь начинает забываться. Однажды на улице Владимир встречает Лушина (молодого врача, ходившего к княжне), который с одобрением замечает произошедшую в нем перемену: «в глазах нет прежней дряни, человеком смотрите, а не комнатной собачкой». Затем сообщает, что Беловзоров пропал без вести: уехал куда-то на Кавказ, замечает, что произошедшее – урок Владимиру.

Отец Владимира каждый день выезжает верхом. Однажды Владимир просит взять его с собой. Отец соглашается. Во время прогулки отец внезапно сворачивает в сторону – в небольшой переулочек – и, попросив подождать его, уходит. Прождав довольно долго, Владимир отправляется в сторону, где скрылся его отец, и видит, как тот разговаривает с Зинаидой. Отец на чем-то настаивает, Зинаида не соглашается. До Владимира доносятся слова отца, сказанные по-французски: «Вы должны расстаться с этой...» Зинаида выпрямляется и протягивает руку, внезапно отец поднимает хлыст и в бешенстве бьет Зинаиду по протянутой руке. Зинаида молча смотрит на отца и, медленно поднеся руку к губам, целует «заалевшийся на ней рубец». Отец отбрасывает хлыст и врывается в дом. Владимир в испуге убегает обратно. Вскоре возвращается отец, они отправляются домой. Видя, что у отца нет хлыста, он интересуется, где он его потерял. Отец отвечает, что не потерял хлыст, а бросил. Владимир размышляет о любви, о том, какое это парадоксальное чувство, если от любимого человека стерпишь даже побои хлыстом. Ночью его мучают кошмары.

Два месяца спустя Владимир поступает в университет, а через полгода его отец умирает в Петербурге. За несколько дней до смерти он получил письмо из Москвы, которое его чрез-

вычайно взволновало. Он ходил просить о чем-то «матушку» и даже плакал. В то утро, когда с ним случился удар, он начал писать Владимиру письмо, открывавшееся словами: «Сын мой, бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» После его кончины матушка послала довольно значительную сумму в Москву.

Через 4 года Владимир встречается со знакомым по даче, и тот сообщает что в городе находится княгиня Дольская. Это Зинаида, вышедшая замуж за некоего Дольского, хотя у нее и были некоторые проблемы, так как история с отцом Владимира имела определенные последствия. Владимир собирается сходить к своей бывшей «пассии», но никак не может собраться. Проходит примерно две недели, и он отправляется в гостиницу, где узнает, что госпожа Дольская четыре дня назад умерла от родов. На Владимира это производит сильное впечатление, он бродит по городу, идет куда глаза глядят, думает о том чувстве, которое испытывал к этой женщине. И даже сейчас, по прошествии стольких лет, он знает, что не испытывал никогда более и вряд ли уже испытает то большое чувство, которое было для него связано с Зинаидой, пусть незрелое и наивное. Через несколько дней он по собственной инициативе присутствует на похоронах какой-то старушки и молится в церкви за себя, за отца и за Зинаиду.

Идейно-художественное своеобразие повестей

Повести «Ася» и «Первая любовь» принято объединять общим условным названием «повести о первой любви» (вместе с повестью «Вешние воды»). Основное значение этих повестей состоит в следующем:

1. Психологизм Тургенева переходит на новый этап, ценность тех или иных событий оценивается им с точки зрения их значимости для конкретной личности. Сами герои рассказывают о своей «первой любви» уже будучи взрослыми людьми. Этот рассказ – своего рода итог их «переоценки ценностей». То, что могло показаться незначительным с событийной точки зрения другим людям, в душе главных героев приобретает особую значимость и эмоциональную насыщенность, и именно это делает сюжеты повестей интересными. Они интересны именно эмоциональной реакцией героев, процессами, происходящими в их душе. По существу, сюжет представляет собой именно внутреннюю историю героя.

2. Тургенев по-новому переосмысливает категорию времени. В его повестях время теряет свою механистичность. В первую очередь время для него определяется эмоциональной и духовной насыщенностью. И в повести «Ася», и в повести «Первая любовь» время, отделяющее главных героев от описываемых ими событий достаточно велико. Однако эмоциональная ценность рассказываемого перевешивает всю их остальную жизнь (по их же признанию). Ни один, ни другой герой не переживали ничего подобного в своей последующей жизни.

Таким образом, время из объективной характеристики превращается в прием создания психологического образа. Точкой отсчета для взгляда на мир становится человеческая душа, через движения которой рассматриваются все происходящие события. Психологизм достигает здесь нового рубежа, ранее не известного литературе. Впоследствии подобный тип психологизма будет развит в творчестве таких писателей, как Чехов и Бунин.

3. Реализм переходит на новый этап – психологического изучения личности в ее развитии.

4. Литературный прием, когда главный герой вспоминает о том, что произошло с ним много лет назад, показывает не только значимость этого события в жизни главного героя («переоценка ценностей»), но и то, что в своей последующей жизни он не нашел ничего более значимого, способного сравниться по своей эмоциональной насыщенности с первой любовью. Косвенным образом это говорит о пустоте окружающей жизни, о пошлости быта, о кризисе общих духовных ценностей общества, не способных дать ничего для духовного развития и внутреннего роста личности, о необходимости их изменения.

Рудин

Тихим летним утром Александра Павловна Липина, молодая вдова, местная помещица, живущая в своем имении с братом, отставным штаб-ротмистром Сергеем Павловичем Волинцевым, направляется в соседнюю деревню, где она занимается благотворительностью (ухаживает за больной старухой). Возвращаясь обратно, она встречает Михаила Михайловича Лежнева, соседского помещика, которому она нравится. Одновременно ей навстречу попадает Константин Диомидович Пандалевский, который живет у соседки Александры Павловны – Дарьи Михайловны Ласунской, богатой помещицы, в качестве «приемыша или нахлебника». Пандалевский «по-молчалински» услужлив и угодлив. Он передает Александре Павловне приглашение на обед от Дарьи Михайловны, говорит, что к той должен вот-вот приехать замечательный человек – барон Муффель из Петербурга. Барон написал какую-то статью по экономике и спрашивает у Дарьи Михайловны совета «по литературной части».

Распрощавшись с Липиной, Пандалевский принимает развязный тон и заигрывает со встретившейся ему крестьянской девушкой, но в самый неожиданный момент появляется Басистов (учитель сыновей Дарьи Михайловны – Вани и Пети) и презрительно упрекает Пандалевского, которого явно недолюбливает.

Пандалевский приходит к себе и сосредоточенно разучивает музыкальный этюд – ему надо позаботиться о том, чем он будет развлекать свою богатую покровительницу.

Дом Дарьи Михайловны Ласунской считался чуть ли не первым во всей губернии. Дарья Михайловна была знатной и богатой вдовой тайного советника. И хотя Пандалевский уверял всех окружающих, что ее вся Европа знает, Европа знала ее мало, даже в Петербурге она важной роли не играла, хотя в Москве ее все знали и ездили к ней. В молодости она была хороша собой, к настоящему времени ее красота увяла, но замашки светской львицы у нее сохранились. Каждое лето она вместе со своими детьми (их было у нее трое: сыновья Ваня и Петя десяти и девяти лет и дочь Наталья семнадцати лет) выезжала в деревню. От нее порядком доставалось местным провинциальным барыням, которых она терпеть не могла, а кроме того, не считала нужным стеснять себя в деревне.

Пандалевский, выучив этюд, спускается в гостиную, «салон» уже в разгаре. В частности, присутствует некто Африкан Семенович Пигасов, который был «озлобленный противу всего и всех – особенно против женщин, – он бранился с утра до вечера, иногда очень метко, иногда очень тупо, но всегда с наслаждением». Происходил он от бедных родителей. Пигасов «сам себя воспитывал, сам определил себя в уездное училище, потом в гимназию, выучился языкам, французскому, немецкому и даже латинскому, и, выйдя из гимназии с отличным аттестатом, отправился в Дерпт, где постоянно боролся с нуждой, но выдержал трехгодичный курс до конца... Мысли его не возвышались над общим уровнем, а говорил он так, что мог казаться не только умным, но очень умным человеком. Получив степень кандидата, Пигасов решил посвятить себя ученому званию: он понял, что на всяком другом поприще он бы никак не мог угнаться за своими товарищами... Но тут в нем, говоря попросту, материала не хватило... Он жестоко провалился в диспуте, между тем как живший с ним в одной комнате другой студент, над которым он постоянно смеялся, человек весьма ограниченный, но получивший правильное и прочное воспитание, восторжествовал вполне». Пигасов сжег все свои книги и поступил на службу. Чиновником он оказался бойким, хотя и не слишком распорядительным. Однако ему захотелось поскорее «выскочить в люди» – он запутался и вскоре должен был выйти в отставку. После трех лет жизни в своей деревне, он женился на богатой вдове, но впоследствии стал тяготиться семейной жизнью. Пожив с ним несколько лет, жена тайком уехала от него в Москву и продала свое имение, в котором Пигасов только что отстроил усадьбу. Он было затеял тяжбу,

но ничего не выиграл, и теперь доживал свой одинокий век, разъезжая по знакомым, которых он ругал за глаза, а бывало что и в глаза.

Пигасов затевает словесную баталию на свой излюбленный предмет: о женщинах. В частности, он заявляет, что на свете есть три разряда эгоистов: эгоисты, которые сами живут и жить дают другим, эгоисты, которые сами живут и не дают жить другим, наконец, эгоисты, которые и сами не живут и не дают жить другим. Женщины, по его словам, большей частью принадлежат к третьему разряду. На возражение Дарьи Михайловны, что мужчинам тоже свойственно ошибаться в суждениях, Пигасов отвечает, что это действительно так, но разница между ошибкой женщины и «нашего брата» состоит в том, что «мужчина может, например, сказать, что дважды два – не четыре, а пять, или три с половиною, а женщина скажет, что дважды два – стеариновая свечка». На вопрос о том, что ему нравится, Пигасов отвечает, что литература, «да только не нынешняя». На просьбу пояснить свою нелюбовь к современной литературе, Пигасов рассказывает случай о том, как он на паромной переправе повстречался с каким-то баринном. «Паром пристал к крутому месту: надо было втаскивать экипажи на руках. У барина была коляска претяжелая. Пока перевозчики надсаживались, втаскивая коляску на берег, барин так кряхтел, стоя на пароме, что даже жалко его становилось... Так и нынешняя литература: другие везут, дело делают, а она кряхтит».

Далее на вопрос одного из мальчиков, где находится какой-то город, Пигасов отвечает, что «в самой Хохландии». Потом заявляет, что «будь у меня лишние деньги, я бы сейчас сделался малороссийским поэтом». На удивленные возгласы, разве он умеет писать по-малороссийски, Пигасов отвечает, что не умеет, «да оно и не нужно». Все недоумевают, а Пигасов поясняет, что надо «только взять лист бумаги и написать наверху: «Дума»; потом начать так: «Гой ты доля, моя доля!» или «Седе казачино Наливайко на кургане!», а там: «По-пид горою, по-пид зеленою, грае, грае воропае, гоп! гоп!» или что-нибудь в этом роде. И дело в шляпе. Печатай и издавай. Малоросс прочтет, подопрет рукою щеку и непременно заплачет, – такая чувствительная душа!»

Учитель Басистов возмущается, что это клевета на малороссийский народ, который он искренне любит, и что «грае, грае, воропае» – полнейшая бессмыслица. Тем временем появляются Волынцев и Липина.

Пигасов язвит по поводу барона (которого все ждут), считая философию никчемной отвлеченностью, а, по его сведениям, барон «Гегелем так и брызжет». Пигасов презирует «высшие» точки зрения, восклицает: «И что можно увидеть сверху? Небось коли захочешь лошадь купить, не с каланчи на нее смотреть станешь!».

Вскоре Дарья Михайловна получает известие, что барон получил предписание тотчас вернуться в Петербург, а статью передает со своим приятелем Дмитрием Николаевичем Рудиным.

Входит Рудин, «человек лет тридцати пяти, высокого роста, несколько сутуловатый, курчавый, смуглый, с лицом неправильным, но выразительным и умным... Платье на нем было не ново и узко, словно он из него вырос».

Рудин представляется, говорит, что у него имение в Т...ой губернии, что здесь он недавно, что с бароном они друзья – Рудин помогает ему в разного рода начинаниях, хотя сам в отставке. Статья, которую он привез, оказывается, толкует «об отношении промышленности к торговле в нашем отечестве».

Пигасов язвительно интересуется тем, насколько эта статья отвлеченного характера, добавляя, что абстрактные рассуждения – беда нынешнего времени и что нужно в первую очередь «подавать» факты. Рудин рассудительно отвечает, что «барон в этом деле дилетант, но в его статье много справедливого и любопытного», затем в словесной перепалке с Пигасовым изящно ловит его на непоследовательности в суждениях, говорит, что «общие положения» также необходимы (приводит в качестве примера учение Коперника и законы Ньютона).

На неуважительное замечание Пигасова об «образованности» Рудин отвечает, что «все эти нападения на системы, на общие рассуждения и так далее потому особенно огорчительны, что вместе с системами люди отрицают вообще знание, науку и веру в нее, стало быть, и веру в самих себя, в свои силы... Скептицизм всегда отличался бесплодностью и бессилием... Если у человека нет крепкого начала, в которое он верит, нет почвы, на которой он стоит твердо, как он может дать себе отчет в потребностях, значении и будущности своего народа?» Пигасов злится и отходит в сторону.

Рудин говорит увлеченно, и вскоре только один его голос раздается в комнате. На всех присутствующих он производит сильное впечатление, так как никто не ожидал найти в нем человека замечательного: он был так посредственно одет, о нем ходило так мало слухов. Дарья Михайловна про себя думает о том, как она оделит Рудина своими милостями, выведет в свет. На вопрос Рудина, отчего он нападает на женщин, Пигасов отвечает, что он «до всего человеческого рода небольшой охотник», а на вопрос, что могло ему дать такое дурное мнение о людях, Пигасов заявляет, что причиной этому – изучение своего собственного сердца, в котором он с каждым днем открывает все более и более дряни. Рудин говорит, что сочувствует Пигасову, замечает, что «какая благородная душа не испытала жажды самоуничтожения?» Пигасов отвечает, что благодарит за выдачу его душе «аттестата в благородстве», но он в этом не нуждается.

Рудин начинает говорить о самолюбии, доказывать, что самолюбие – тот архимедов рычаг, которым движется личность, чтобы работать на всеобщее благо. Все его слушают. Один Пигасов стоит в стороне, потом уходит, но этого никто не замечает.

Более других были поражены гостем учитель Басистов и дочь Дарьи Михайловны, Наталья. Пандалевский играет выученный этюд, Рудин говорит, что музыка напомнила ему время, проведенное в Германии. Оказывается, он провел год в Гейдельберге и около года в Берлине. На просьбу рассказать что-нибудь из студенческой жизни Рудин припоминает несколько случаев. Однако «в описаниях его недоставало красок. Он не умел смешить. Впрочем, Рудин от рассказов своих заграничных походов скоро перешел к общим рассуждениям о значении просвещения и науки, об университетах и жизни университетской вообще. Широкими и смелыми чертами набросал он громадную картину. Все слушали его с глубоким вниманием. Он говорил мастерски, увлекательно, не совсем ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его речам. Обилие мыслей мешало Рудину выражаться определенительно и точно. Образы сменялись образами; сравнения, то неожиданно смелые, то поразительно верные, возникали за сравнениями... Все мысли Рудина казались обращенными в будущее; это придавало им что-то стремительное и молодое».

После окончания вечера все между собой говорят о Рудине, а Наталья не может ночью заснуть.

На другой день Рудина приглашает к себе Дарья Михайловна. Она разговаривает с ним, пускается в воспоминания. Однако, рассказывая о людях, с которыми она зналась, Дарья Михайловна неизбежно переходила на себя. «О каком бы лице ни заговорила Дарья Михайловна, на первом плане оставалась все-таки она, она одна, а то лицо как-то скрадывалось и исчезало. Зато Рудин узнал в подробности, что именно Дарья Михайловна говорила такомуто известному сановнику, какое она имела влияние на такого-то знаменитого поэта. Судя по рассказам Дарьи Михайловны, можно было подумать, что все замечательные люди последнего двадцатипятилетия только о том и мечтали, как бы повидаться с ней, как бы заслужить ее расположение». О Пигасове Рудин отзывается как о человеке неглупом, но замечает, что «в отрицании полном и всеобщем – нет благодати. Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: эта уловка известная. Добродушные люди сейчас готовы заключить, что вы стоите выше того, что отрицаете. А это часто неправда. Во-первых, во всем можно сыскать пятна, а во-вторых, если вы даже и дело говорите, вам же хуже: ваш ум, направленный на одно отрицание, бледнеет, сохнет... Порицать, бранить имеет право только тот, кто любит».

Дарья Михайловна, говоря о соседях, с похвалой отзывается о Михаиле Михайловиче Лежневе, Рудин говорит, что знал его прежде. В это время докладывают, что приехал Лежнев (у него дело с Дарьей Михайловной по размежеванию). Ласунская представляет ему Рудина, тот холодно с ним здоровается, а на замечание Рудина, что они вместе учились в Германии, отвечает, что «мы и после встречались». На упреки Ласунской, что он редко ездит к ней, Лежнев отвечает, что не принадлежит к их кругу, а кроме того, он «не любит стеснять себя», что, мол, у него и фрака порядочного нет и перчаток нет». Сказав, что условия размежевания обсуждены и утверждены, Лежнев прощается и уезжает, несмотря на уговоры остаться. После его ухода Рудин говорит о нем, что он «болен той же болезнью», что и Пигасов – «желаньем быть оригинальным. Тот прикидывается Мефистофелем, этот – циником. Во всем этом много эгоизма, много самолюбия и мало истины, мало любви. Ведь это тоже своего рода расчет: надел на себя человек маску равнодушия и лени, авось, мол, кто-нибудь подумает: вот человек, сколько талантов в себе погубил! А поглядеть попристальнее – и талантов-то в нем никаких нет».

Дочь Дарьи Михайловны, Наталья «училась прилежно, читала и работала охотно. Она чувствовала глубоко и сильно, но тайно... Черты ее лица были красивы и правильны, хотя слишком велики для семнадцатилетней девушки».

На прогулке Наталья сталкивается с Рудиным, они идут вместе в сад. Рудин говорит с ней о поэзии, заявляет, что поэзия не только в стихах, она разлита везде вокруг. На вопрос, сколько Рудин намерен оставаться в этих местах, он отвечает, что «все лето, осень, а может быть, зиму», говорит, что он человек небогатый, дела его расстроены, а кроме того, ему надоело «таскаться с места на место». Наталья удивляется таким словам, говорит, что Рудин с его талантами должен «трудиться, стараться быть полезным». Тот отвечает, что он бы рад, да «где найти искренние, сочувствующие души?» Тем не менее он благодарит Наталью, заявляет, что ее слово напомнило ему его долг, его дорогу, что он должен действовать, а не растрачивать свои силы на пустую, бесполезную болтовню. «И слова его полились рекою. Он говорил прекрасно, горячо, убедительно – о позоре малодушия и лени, о необходимости делать дело. Он осыпал самого себя упреками, доказывал, что рассуждать наперед о том, что хочешь сделать так же плохо, как накалывать булавкой наливающийся плод... Он говорил долго и окончил тем, что еще раз поблагодарил Наталью Алексеевну». На прощание Рудин позволяет себе вольность – пожимает Наталье руку. По пути к дому они встречаются с Волынцевым, который видит перемену, произошедшую в Наталье за последние дни, и страдает от этого.

Вернувшись к себе домой, Волынец видит у своей сестры Лежнева. Александра Павловна просит брата, чтобы он помог убедить Лежнева в том, что Рудин – необычайно умный и красноречивый человек. Лежнев скептически отзывается о Рудине, Александра Павловна говорит, что его задевает превосходство Рудина. На это Лежнев, по настоянию Александры Павловны, рассказывает о прошлом Рудина (Лежнев хорошо знал Рудина раньше): «Родился он в Т...ве от местных помещиков. Отец его скоро умер. Он остался один у матери. Она была женщина добрейшая и души в нем не чаяла: толоком одним питалась и все, какие у нее были, денежки употребляла на него. Получил он свое воспитание в Москве, сперва на счет какого-то дяди, а потом, когда он подрос и оперился, на счет одного богатого князька, с которым... сдружился. Потом он поступил в университет... уехал за границу. Из-за границы Рудин писал своей матери чрезвычайно редко и посетил ее всего один раз, дней на десять... Старушка и скончалась без него, на чужих руках, но до самой смерти не спускала глаз с его портрета... Добрая была женщина и гостеприимная... потом я встретился с Рудиным за границей. Там к нему одна барыня привязалась из наших русских, синий чулок какой-то, уже немолодой и некрасивый, как оно и следует синему чулку. Он довольно долго с ней возился и наконец ее бросил... или нет, бишь, виноват: она его бросила».

Липина упрекает Лежнева в том, что он представил факты в неприязненном свете, тот отвечает, что рад был бы поверить в то, что Рудин изменился.

Прошло два месяца. В течение этого времени Рудин почти не выезжал от Дарьи Михайловны. Рассказывать ему о себе, слушать его суждения сделалось для нее потребностью. Пигасов реже бывает у Дарьи Михайловны, так как Рудин давит его своим присутствием. «Не люблю я этого умника, – говаривал он, – выражается он неестественно, ни дать ни взять, лицо из русской повести; скажет: «Я», и с умилением остановится... «Я, мол, я...» Слова употребляет все такие длинные. Ты чихнешь – он тебе сейчас станет доказывать, почему ты именно чихнул, а не кашлянул... Хвалит он тебя – точно в чин производит... Начнет самого себя бранить, с грязью себя смешает – ну, думаешь, теперь на свет божий глядеть не станет. Какое! повеселеет даже, словно горькой водкой себя попотчевал».

«Все в доме Дарьи Михайловны покорялись любой прихоти Рудина: малейшие желания его исполнялись». Пандалевский заискивает перед ним. Волынцев, хотя Рудин и за глаза и в глаза превозносил его достоинства, чувствовал некоторое напряжение и неловкость, когда о таких вещах говорят в его присутствии. Басистов благоговееет перед Рудиным, ловит каждое его слово. Лежнев по-прежнему с ним холоден.

Рудин занимает пятьсот рублей у Дарьи Михайловны и двести у Волынцева.

Рудин входил во все: толковал с Дарьей Михайловной о распоряжениях по имению, о воспитании детей, о хозяйстве, «вообще о делах».

Подолгу Рудин беседует и с Натальей. Он дает ей книги, поверяет свои планы, читает ей «первые страницы предполагаемых статей и сочинений», он декламирует ей из романтических произведений (гетевского «Фауста», Гофмана, или «Письма» Беттины, или Новалиса). В числе прочего Рудин говорит Наталье, что зимой собирается писать большую статью «о трагическом в жизни и в искусстве», хотя и признается, что «еще не совсем сладил с основной мыслью». Затем он рассуждает о любви, о том, какое это великолепное, возвышенное чувство и проч. «Рудин охотно и часто говорил о любви». В одну из встреч Рудин туманно намекает Наталье о своих чувствах.

Между Александрой Павловной и Лежневым происходит разговор о Рудине. Липина замечает, что Рудин по-прежнему не нравится Лежневу и хочет узнать причину этой неприязни. Лежнев нехотя соглашается. Он говорит, что Рудин «замечательно умный человек, хотя в сущности пустой». Но он не ставит ему это в вину. Не ставит и то, что он в душе деспот, что ленив и не очень сведущ, любит пожить на чужой счет, разыгрывает роль и проч., а ставит в вину то, что «он холоден, как лед». Липина удивляется, как может быть холодной «эта пламенная душа». Лежнев поясняет, что Рудин знает о своей холодности и лишь притворяется пламенным, что он играет опасную игру, «опасную не для него, разумеется; сам копейки, волоска не ставит на карту – а другие ставят душу». «Худо то, что он не честен. Ведь он умный человек: он должен знать цену слов своих, – а произносит их так, как будто они ему что-нибудь стоят... Спору нет, он красноречив; только красноречие его нерусское. Да и, наконец, красно говорить простительно юноше, а в его года стыдно тешиться шумом собственных речей, стыдно рисоваться». Лежнев намекает на то, что эти речи могут погубить юное, неопытное сердце. Наталья Алексеевна, как утверждает Лежнев, чувствует и размышляет глубже, чем остальные, – тем более, чем ее мать, которая по своей натуре эгоистка.

Александра Павловна удивляется тому, что в представлении Лежнева Рудин какой-то Тартюф.

«В том-то и дело, что он даже не Тартюф. Тартюф, тот, по крайней мере, знал, чего добивался; а этот, при всем своем уме...» – отвечает Лежнев.

Лежнев рассказывает историю своего знакомства с Рудиным. Рано осиротевший Лежнев жил в доме тетки и «делал что хотел», он любил порисоваться и похвастать. Поступив в университет, он попал в неприятную историю («солгал и довольно гадко солгал»), из которой ему помог выйти один необыкновенный человек – Покорский (умерший несколько лет назад). Покорский – своего рода антипод Рудина. Покорский был очень беден и кое-как перебивался

уроками, но к нему, в бедную каморку, ходило множество народа. Именно у него Лежнев познакомился с Рудиным. Покорский говорил хорошо, но не удивительно. «В Рудине было гораздо больше блеску и треску, больше фраз и, пожалуй, больше энтузиазма. Он казался гораздо даровитее Покорского, а на самом деле был бедняк в сравнении с ним. Рудин превосходно развивал любую мысль, спорил мастерски; но мысли его рождались не в его голове: он брал их у других, особенно у Покорского. Покорский был на вид тих и мягок, даже слаб – и любил женщин до безумия, любил покутить и не дался бы никому в обиду. Рудин казался полным огня, смелости жизни, а в душе был холоден и чуть ли не робок, пока не задевалось его самолюбие: тут он на стены лез. Он всячески старался покорить себе людей, но покорял он их во имя общих начал и идей и действительно имел влияние сильное на многих. Правда, никто его не любил; один я, может быть, привязался к нему. Его иго носили... Покорскому все отдавались сами собой. Зато Рудин никогда не отказывался толковать и спорить с первым встречным... Он не слишком много прочел книг, но во всяком случае гораздо больше, чем Покорский и все мы; притом ум имел систематический, память огромную, а ведь это-то и действует на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть неверные, да итоги! Совершенно добросовестный человек на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете ей дать полной истины, потому что сами не владеете ею... молодежь вас и слушать не станет. Но обмануть ее вы тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя наполовину верили, что обладаете истиной. Оттого-то Рудин и действовал сильно на нашего брата... Слушая Рудина, нам впервые показалось, что мы наконец схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконец завеса». Попад в кружок Покорского, Лежнев как бы переродился. Причиной же ссоры с Рудиным была девушка, в которую Лежнев влюбился. Александра Павловна предполагает, что Рудин увел у Лежнева девушку, но не угадывает. Лежнев был влюбчив, писал романтические стихи и, влюбившись, буквально через неделю проболтался Рудину. Тот захотел познакомиться с предметом страсти Лежнева. И Рудин «вследствие своей проклятой привычки каждое движение жизни, и своей и чужой, прищипливать словом, как бабочку булавкой, пустился обоим нам объяснять нас самих, наши отношения, как мы должны вести себя, деспотически заставлял отдавать себе отчет в наших мыслях и чувствах, хвалил нас, порицал, вступил даже в переписку с нами, вообразите!.. ну, сбил нас с толку совершенно... пошли недоразумения, напряженности всякие – чепуха пошла, одним словом. Кончилось тем, что Рудин в одно прекрасное утро договорился до того убеждения, что ему, как другу, предстоит священный долг известить обо всем старика отца (отца девушки), – и он это сделал... Помню до сих пор, какой хаос носил я тогда в голове: просто все кружилось и переставлялось, как в камер-обсуре: белое казалось черным, черное – белым, ложь – истиной, фантазия – долгом... Э! даже и теперь совестно вспоминать об этом! Рудин – тот не унывал! носится, бывало, среди всякого рода недоразумений и путаницы, как ласточка над прудом». В результате Лежнев расстается с предметом своей страсти, «нехорошо, гласно», но когда Рудин уезжает за границу, тот провожает его, хотя уже тогда на сердце у него залегла тень. А за границей Рудин окончательно открылся ему в своем истинном свете. В заключение Лежнев обращает внимание Александры Павловны на перемену, произошедшую в Волынцеве, намекает на то же самое, произошедшее с Натальей, которая, по его мнению, может всех удивить, так как относится к «девочкам, которые топятя, принимают яду и т. д.». «Страсти в ней сильные и характер тоже ой-ой!»

На другой день Рудин встречает Наталью, и они идут вместе гулять на пруд. Рудин рассуждает о любви, Наталья отвечает ему, говорит, что женщина способна на жертвенную любовь. Рудин говорит, что одобряет ее выбор (намекая на Волынцева), Наталья опровергает это, тогда Рудин говорит о своих собственных чувствах. Наталья убегает, а Рудин по пути в дом сталкивается с Волынцевым, который стал невольным свидетелем всей сцены.

За обедом разговор не клеится. Пигасов, обедавший в этот день у Дарьи Михайловны, начал говорить о том, что все люди делятся на две категории – кучих и длиннохвостых:

«Куцыми бывают люди и от рождения, и по собственной вине. Куцым плохо: им ничего не удастся – они не имеют самоуверенности. Но человек, у которого длинный пушистый хвост – счастливец. Он может быть и плоше и слабее куцего, да уверен в себе; распустит хвост – все любят. И ведь вот что достойно удивления: ведь хвост совершенно бесполезная часть тела... а все судят о ваших достоинствах по хвосту». Рудин самоуверенно вставляет фразу о том, что похожее уже говорил Ларошфуко. Волынцев его перебивает, требует позволить каждому высказывать то, что он считает нужным и добавляет: «По-моему, нет хуже деспотизма так называемых умных людей. Черт бы их побрал!» Под шумок Рудин назначает Наталье свидание. Пигасов тем временем пользуется молчаливостью Рудина и развивает идеи о том, что «ничего не может быть легче, как влюбить в себя какую угодно женщину: стоит только повторять ей десять дней сряду, что у ней в устах рай, а в очах блаженство и что остальные женщины перед ней простые тряпки, и на одиннадцатый день она сама скажет, что у ней в устах рай и в очах блаженство, и полюбит вас».

Вечером Наталья приходит на свидание к Рудину. Он говорит, что любит ее. Наталья отвечает, что и ей кажется, что она любит. Рудин высокопарно говорит о своих чувствах. В это время в беседке по соседству находится Пандалевский, который все слышит и решает довести до сведения Дарьи Михайловны.

Волынцев, возвратившись домой, пребывает в мрачном настроении. Он ждет Лежнева, с которым хочет посоветоваться, но вместо Лежнева вдруг появляется Рудин.

Рудин пытается объяснить, он приехал к Волынцеву «как благородный человек к благородному человеку». Он говорит, что любит Наталью, а она его. Он высокопарно рассуждает о взаимопонимании и о том, что не хочет, чтобы Волынцев считал его коварным человеком, так как он сам Волынцева глубоко уважает. Волынцев взбешен неожиданным визитом Рудина, отвечает, что его уважение ему «ни к черту не нужно», отказывается пожать руку Рудина. Тот уезжает. Через некоторое время появляется Лежнев, которому Волынцев рассказывает о приезде Рудина, прибавляя, что он не понимает, «похвастаться, что ли, он хотел передо мной или струсил». Лежнев возражает, что «ты мне не поверишь, а ведь он это сделал из хорошего побуждения... Оно вишь ты, и благородно и откровенно, ну, да и поговорить представляется случай, красноречие в ход пустить; а ведь нам вот чего нужно, вот без чего мы жить не в состоянии... Ох, язык его – враг его... Ну, зато же он и слуга ему».

Рудин приезжает в усадьбу в мрачном настроении, жалеет, что ездил к Волынцеву. Появляется Дарья Михайловна, которая очень холодно ведет себя с Рудиным, «от нее придворной дамой так и веяло». Рудин недоумевает, а через некоторое время получает записку от Натальи, в которой она назначает ему свидание.

Вечером Рудин приходит к пруду, у которого назначено свидание и с которым связано какое-то мрачное предание. Рудин ждет Наталью, бродит по плотине, пытаясь понять, действительно ли он любит. «Никто так легко не увлекается, как бесстрастные люди». Появляется Наталья, сообщает Рудину, что матери теперь все известно – Пандалевский рассказал. Добавляет, что Дарья Михайловна объявила, что «она скорее согласится видеть меня мертвой, чем вашею женою, ... что вы только так, от скуки приволокнулись за мной». Рудин приходит в волнение, начинает восклицать: «Это ужасно!», «Как мы несчастливы!» и проч., упиваясь своим «несчастьем» так же, как совсем недавно упивался «счастьем». Наталья говорит, что ей нужен от него действенный совет, так как он мужчина. Рудин снова лишь восклицает, потом говорит, что надо покориться. Наталья плачет, упрекает Рудина, что все его слова – пустой звук, что она ответила матери, что «скорее умрет, чем выйдет замуж за другого», а он вместо применения своих слов о свободе, жертвах и любви на деле, струсил и уговаривает ее покориться. Она благодарит Рудина за урок, прощается, а напоследок просит «вперед взвешивать ваши слова, а не произносить их на ветер». Рудин остается один, он произносит перед собой речь о том,

что недостойн такой любви, с интересом прислушивается к самому себе: чувствует ли он по-прежнему любовь, или она уже прошла.

Волынцев тем временем терзается, собирается вызвать Рудина на дуэль или уехать куда-нибудь. Лежнев его успокаивает, предлагает вместе с сестрой лучше поехать в Малороссию «галушки есть». Внезапно Воынцеву приносят письмо от Рудина, в котором он сообщает о своем отъезде, намекает на благородные причины, побудившие его это сделать. Долг (200 руб.) обещает выслать позже. Лежнев саркастически замечает, что Рудин «почел за долг написать... У этих господ на каждом шагу долг, и все долг – да долги». Волынцев невольно восклицает: «А каковы он фразы отпускает!.. Он ошибся во мне: он ожидал, что я стану выше какой-то среды... Что за ахинея, господи! хуже стихов!»

Лежнев идет к Александре Павловне, предлагает выйти за него замуж, та соглашается.

Рудин тем временем (отправив письмо Воынцеву) взялся за другое письмо – Наталье. Перед этим его к себе пригласила Дарья Михайловна, которая была сильно раздражена тем, что «бедный, нечиновный и пока неизвестный человек дерзал назначить свидание ее дочери». Но Рудин опережает события: благодарит Дарью Михайловну за гостеприимство, говорит, что ему надо уезжать. Ласунская его не задерживает. Долг (500 руб.) Рудин обещает непременно выслать, как приедет в свою деревню. Ласунская с ним холодно прощается. Рудин «теперь знал по опыту, как светские люди даже не бросают, а просто роняют человека, ставшего им ненужным: как перчатку после бала, как бумажку с конфетки, как невыигравший билет лотереи...» Наталья избегает Рудина, лишь один Басистов горюет по поводу его отъезда. Наконец Рудин уезжает. Басистов провожает его, Рудин вворачивает «словцо», сравнивая себя с Дон Кихотом, выезжающим из дворца герцогини на широкую дорогу.

Наталья читает письмо Рудина. В нем он просит прощения и пытается объяснить себя и свое поведение: «В течение моей жизни я сблизился со многими женщинами и девушками; но, встретясь с вами, я в первый раз встретился с душой совершенно честной и прямой. Мне это было не в привычку, и я не сумел оценить вас... Наши жизни могли слиться – и не сольются никогда. Как доказать вам, что я мог бы полюбить вас настоящей любовью – любовью сердца, не воображения, – когда я сам не знаю, способен ли я на такую любовь!.. Да, природа мне много дала; но я умру, не сделав ничего достойного сил моих, не оставив за собою никакого благородного следа... Мне недостает... я сам не могу сказать, чего именно недостает мне... Мне недостает, вероятно, того, без чего так же нельзя двигать сердцами людей, как и овладеть женским сердцем; а господство над одними умами и непрочное и бесполезно. Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь, с жадностью, вполне – и не могу отдаться. Я кончу тем, что пожертвую собой за какой-нибудь вздор, в который даже верить не буду... Боже мой! в тридцать пять лет все еще собираться что-нибудь сделать!» Далее Рудин дает несколько советов Наталье, так как «больше ни на что не годен», один из них таков: «Вы еще молоды; но, сколько бы вы ни жили, следуйте всегда внушениям вашего сердца, не подчиняйтесь ни своему, ни чужому уму».

Письмо окончательно показало Наталье, что Рудин ее не любил. Поплавав, она сожгла письмо и пепел выкинула за окно.

Наталье горько, и даже становится стыдно за свою первую, такую нелепую любовь. На следующий день к Дарье Михайловне приезжает Волынцев, который крайне тактично и предупредительно ведет себя с Натальей.

Проходит два года. Александра Павловна вышла замуж за Лежнева, у них родился сын. Пигасов у них в гостях и передает новости. Дарья Михайловна пыталась сосватать Наталью за какого-то господина Корчагина, светского льва, чрезвычайно надутого и важного, но та заявила, что и слышать о нем не хочет. В результате она выходит за Воынцева, о чем и сообщает Пигасов Лежневым. О Рудине доходят какие-то смутные сведения, что он приезжал в Москву, потом отправился с каким-то семейством в Симбирск, куда он делся дальше, неиз-

вестно. Пигасов прибавляет, что Рудин не пропадет, «небось где-нибудь сидит и проповедует. Этот господин всегда найдет себе двух или трех поклонников, которые будут его слушать разиня рот и давать ему займы деньги». Пигасов рассказывает анекдот из жизни Рудина, который слышал от знакомого Рудина, жившего с ним в Германии: «Беспрерывно развиваясь (эти господа все развиваются: другие, например, просто спят или едят, – а они находятся в моменте развития спанья или еды...). Итак, развиваясь постоянно, Рудин дошел путем философии до того умозаключения, что ему должно влюбиться. Начал он отыскивать предмет, достойный такого удивительного умозаключения. Фортуна ему улыбнулась. Познакомился он с одной француженкой, прехорошенькой модисткой. Дело происходило в одном немецком городе, на Рейне, заметьте. Начал он ходить к ней, носить ей разные книги, говорить ей о природе и о Гегеле. Можете представить себе положение модистки? Она принимала его за астронома. Однако, вы знаете, малый он из себя ничего; ну – иностранец, русский – понравился. Вот наконец назначает он свидание, и очень поэтическое свидание: в гондоле на реке. Француженка согласилась: приделась получше и поехала с ним в гондоле. Так они катались часа два. Чем же, вы думаете, занимался он все это время? Гладил француженку по голове, задумчиво глядел в небо и несколько раз повторил, что чувствует к ней отеческую нежность. Француженка вернулась домой совершенно взбешенная...»

Лежнев предлагает выпить по случаю помолвки Воынцева и Натальи и провозглашает тост за Рудина, так как благодарен ему за то, что они «все стали невыносимо рассудительны, равнодушны и вялы... заснули,.. застыли», а он их расшевелил. «Я упрекал его в холодности... и был неправ... Холодность эта у него в крови..., а не в голове. Он не актер, как я называл его, не надувало, не плут; он живет на чужой счет не как проныра, а как ребенок... Он не сделает сам ничего именно потому, что в нем натуры, крови нет; но кто вправе сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? что его слова не заронили много добрых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы?..» Он пьет за здоровье Рудина и прибавляет, что Пигасов, который ругает Рудина, во сто крат хуже его, так как когда служил, брал взятки («Да еще как!»), за что и был вынужден уйти в отставку.

Далее следует описание, как Рудин в это время путешествует где-то на перекладных, в старом изношенном платье, пытается получить на станции лошадей, но, услышав, что в эту сторону лошадей нет, отправляется в Тамбов, куда они есть, так как ему совершенно все равно, куда ехать.

Проходит еще несколько лет. Лежнев по делам рекрутского набора приезжает из деревни в город. Там в гостинице он случайно сталкивается с Рудиным. Теперь Рудин «человек высокого роста, почти совсем седой и сгорбленный». Лежнев зовет его с собой обедать. За обедом Рудин рассказывает все, что с ним случилось за эти годы. По словам Рудина, он все это время «душой скитался» и «в ком и в чем я не разочаровался!». Вначале он в Москве сошелся с каким-то очень богатым и странным человеком, в котором была всепоглощающая страсть к науке, хотя, по словам Рудина, «шла она к нему, как к корове седло». «Я, брат, не встречал беднее и бедней его природы». Рудин тем не менее поселился у него в имении. «Планы, брат, у меня были громадные: я мечтал о разных усовершенствованиях, нововведениях... Я навез с собою агрономических книг... правда, я до конца не прочел ни одной... ну, и приступил к делу... Так я вот и бился два года. Дело продвигалось плохо, несмотря на все мои хлопоты. Начал я уставать, приятель мой надоедал мне, я стал язвить его, он давил меня, словно перина; недоверчивость его перешла в глухое раздражение, неприязненное чувство охватывало нас обоих, мы уже не могли говорить ни о чем; он изподтишка, но беспрестанно старался доказать мне, что не подчиняется моему влиянию... Я заметил наконец, что состою у господина помещика в качестве приживальщика по части умственных упражнений». В один прекрасный день Рудин становится свидетелем отвратительной сцены, характеризующей его приятеля далеко не

с лучшей стороны, он собирается и уезжает. Помыкавшись по разным местам, Рудин попал в секретари к «благонамеренному сановному лицу», потом решил сделаться «деловым человеком, практическим». Лежнев смеется и удивляется, как Рудин, с его умом, не смог понять, что не его дело – быть практическим человеком. Рудин объясняет, что в ту пору встретился с человеком, «удивительно ученым» – «проекты самые смелые, самые неожиданные так и кипели у него на уме. Мы соединились с ним и решились употребить свои силы на общепользное дело». Приятель Рудина был беднее его, но несмотря на это они решили реку в какой-то губернии сделать судоходной. Лежнев хохочет. По словам Рудина, «начало исполнения было. Мы наняли работников... ну, и приступили». Правда, тут же возникли препятствия: владельцы мельниц не могли их понять, без машины они с водой не могли справиться, а на машину не хватило денег. Рудин с приятелем бились, писали письма и циркуляры, пока Рудин на этом «не добил свой последний грош». Он уехал, а его приятель (по фамилии Куробеев) сделался в Сибири золотопромышленником. Рудин верит в то, что его приятель рано или поздно составит себе состояние. После неудачи на «практическом» поприще Рудин решает, чтобы его ум и способности не пропали совсем без следа, учить подрастающее поколение. Он сделался учителем русской словесности, три дня потратил на составление вступительной речи, которая, по его словам, понравилась слушателям, хотя инспектор заметил: «Хорошо-с, только высоко немножко, темновато, да и о самом предмете мало сказано». Две первых лекции Рудин приносит написанными, а потом принимается «импровизировать». «Я читал гимназистам, как и студентам не всегда читают; слушатели мои выносили мало из моих лекций... факты я сам знал плохо», – признается он. Он ставил всем высшие баллы и к нему, по его словам, ходили толпами. Тут против него началась «интрига», которую затеял учитель математики, сравнивавший его лекции с фейерверком и периодически ловивший его на элементарном незнании предмета. По словам Рудина, он (Рудин) хотел коренных изменений в гимназии, которые надеялся провести через директора, чья жена попала под влияние Рудина. Но директора «настраивают» против него, Рудин берется что-то доказывать, выходит сцена, и он вынужден уйти в отставку. Рудин спрашивает Лежнева, почему с ним все так происходит, неужели он ни на что не годен, горюет, что всю свою жизнь растратил на слова, а дел не было. Лежнев возражает, что и доброе слово – тоже дело. Затем добавляет, что Рудин вызывает в нем уважение, потому что не стал жить приживальщиком у богатого друга, в гимназии не стал подлаживаться под начальство и всякий раз жертвовал своими личными выгодами, не пускал корней в недобрую почву, какой бы она жирной ни была. Лежнев говорит, что в Рудине горит огонь любви к истине, которым он зажег многих, с кем встречался на жизненном пути. Рудин отправляется в свою деревню («там что-то такое осталось»), напоследок приятели желают друг другу добра и поют гимн студентам.

26 июня 1848 года, в Париже, когда уже восстание «национальных мастерских» было почти подавлено («Парижская коммуна»), батальон линейного войска брал баррикаду, с которой отходили повстанцы. Внезапно на баррикаде появляется высокий человек в старом сюртуке, подпоясанный красным шарфом, и соломенной шляпой на седых растрепанных волосах. «В одной руке он держал красное знамя, в другой – кривую и тупую саблю и кричал что-то напряженным, тонким голосом, карабкаясь вверх и помахивая и знаменем и саблей...» Один из стрелков прицеливается и стреляет. Пуля попадает человеку в сердце, он «выронил знамя – и, как мешок, повалился лицом вниз». Один из убежавших говорит другому, что «поляка» убили. Этим «поляком» был Дмитрий Рудин.

Идейно-художественное своеобразие

Н. А. Добролюбов, из ст. «Что такое обломовщина?»

Говоря об обломовщине, как о социальном явлении, Добролюбов относит к «обломовцам» весь тип так называемых «лишних людей» – от Онегина до Рудина.

«История о том, как лежит и спит добряк-ленивец Обломов и как ни дружба, ни любовь не могут пробудить и поднять его, – не бог весть какая важная история. Но в ней отразилась русская жизнь, в ней предстает перед нами живой, современный русский тип, отчеканенный с беспощадною строгостью и правильностью, в ней сказалось новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это – обломовщина; оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни, и оно придает роману Гончарова гораздо более общественного значения, нежели сколько имеют его все наши обличительные повести. В типе Обломова и во всей этой обломовщине мы видим нечто более, нежели просто удачное создание сильного таланта; мы находим в нем произведение русской жизни, знамение времени. Обломов есть лицо не совсем новое в нашей литературе; но прежде оно не выставлялось перед нами так просто и естественно, как в романе Гончарова. Чтобы не заходить слишком далеко в старину, скажем, что родовые черты обломовского типа мы находим еще в Онегине и затем несколько раз встречаем их повторение в лучших наших литературных произведениях. Дело в том, что это коренной, народный наш тип, от которого не мог отделаться ни один из наших серьезных художников».

«Давно уже замечено, что все герои замечательнейших русских повестей и романов страдают оттого, что не видят цели в жизни и не находят себе приличной деятельности. Вследствие того они чувствуют скуку и отвращение от всякого дела, в чем представляют разительное сходство с Обломовым. В самом деле – раскройте, например, «Онегина», «Героя нашего времени», «Кто виноват?», «Рудина», или «Лишнего человека», или «Гамлета Щигровского уезда», – в каждом из них вы найдете черты, почти буквально сходные с чертами Обломова...»

«На этом же поприще подвизался и Рудин, который любил читать избранным «первые страницы предполагаемых статей и сочинений своих»... Печорин только смотрел свысока на «поставщиков повестей и сочинителей мещанских драм»; впрочем, и он писал свои записки... Онегин, думая присвоить себе ум чужой, начал с того, что

Отрядом книг уставил полку

– и принялся читать. Но толку не вышло никакого: чтение скоро ему надоело, и —

Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьей,
Задержнул траурной тафтой...

Рудин тоже признается Лежневу, – что накупил он себе каких-то агрономических книг, но ни одной до конца не прочел; сделался учителем, да нашел, что фактов знал маловато, и даже на одном памятнике XVI столетия был сбит учителем математики. И у него, как у Обломова, принимались легко только общие идеи, а «подробности, сметы и цифры» постоянно оставались в стороне».

«Все наши герои, кроме Онегина и Печорина, служат, и для всех их служба – ненужное и не имеющее смысла бремя; и все они оканчивают благородной и ранней отставкой... Рудин поссорился с директором гимназии, где был учителем...»

«Отношения к людям и в особенности к женщинам тоже имеют у всех обломовцев некоторые общие черты. Людей они вообще презирают, с их мелким трудом, с их узкими понятиями и близорукими стремлениями... Рудин наивно воображает себя гением, которого не в состоянии никто понять. Печорин, уж разумеется, всех топчет ногами...»

«В отношении к женщинам все обломовцы ведут себя одинаково постыдным образом. Они вовсе не умеют любить и не знают, чего искать в любви, точно так же как и вообще в

жизни... Рудин... совершенно растерялся, когда Наталья хотела от него добиться чего-нибудь решительного. Он ничего более не сумел, как только посоветовать ей «покориться». На другой день он остроумно объяснил ей в письме что «ему было не в привычку» иметь дело с такими женщинами, как она».

Продолжая речь об Обломове, Добролюбов отмечает, что «женитьба сама по себе не страшила его так, как страшила Печорина и Рудина», но он также после бессонной ночи «вооружается энергией и строчит длинное, рудинское послание, в котором повторяет известную, тертую и перетертую вещь, говоренную Онегиным Татьяне, и Рудиным Наталье, и даже Печориным княжне Мери: «я, дескать, не так создан, чтобы вы могли быть со мною счастливы; придет время, вы полюбите другого, более достойного...»

Все обломовцы любят унижать себя; но это они делают с той целью, чтоб иметь удовольствие быть опровергнутыми и услышать себе похвалу от тех, пред кем они себя ругают. Они довольны своим самоунижением и все похожи на Рудина, о котором Пигасов выражается: «Начет себя бранить, с грязью себя смешает, – ну, думаешь, теперь на свет божий глядеть не станет. Какое! повеселеет даже, словно горькой водкой себя попотчевал!»

«Во всем, что мы говорили, мы имели в виду более обломовщину, нежели личность Обломова и других героев. Что касается до личности, то мы не могли не видеть разницы темперамента, например, у Печорина и Обломова, так же точно, как не можем не найти ее у Печорина с Онегиным, и у Рудина с Бельтовым... Но дело в том, что над всеми этими лицами тяготеет одна и та же обломовщина, которая кладет на них неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете... «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?... А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое...» – это Печорин... А вот как рассуждает о себе Рудин: «Да, природа мне много дала; но я умру, не сделав ничего достойного сил моих, не оставив за собою никакого благотворного следа. Все мое богатство пропадет даром: я не увижу плодов от семян своих...»

Обломов «бездельничает ничуть не больше, чем все остальные братья-обломовцы; только он откровеннее – не старается прикрыть своего безделья даже разговорами в обществах и гуляньем по Невскому проспекту».

Сравнивая вышеупомянутых персонажей, Добролюбов, однако, отмечает, что Рудин и Бельтов – «люди с стремлениями действительно высокими и благородными», но они не только не могли «проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себе близкой возможности страшной, смертельной борьбы с обстоятельствами, которые их давили». Намекая на глубинную сущность русской интеллигенции вообще, Добролюбов сравнивает их с людьми, которые, находясь в дремучем лесу, влезли на дерево, чтобы осмотреть окрестности. Взираясь вверх, они расцарапали лицо и устали, так что выбираться из леса и прокладывать дорогу придется другим. «Но кто же решится бросить камень в этих несчастных?... Им сострадают, от них даже не требуют пока, чтобы они принимали участие в расчистке леса; на их долю выпало другое дело, и они его сделали. Если толку не вышло – не их вина... Но вот малопомалу дело прояснилось и приняло другой оборот: передовым людям понравилось на дереве; они рассуждают очень красиво о разных путях и средствах выбраться из болота и из лесу; они нашли на дереве кой-какие плоды и наслаждаются ими, бросая чешуйку вниз; они зовут к себе еще кой-кого, избранных из толпы, и те идут и остаются на дереве, уже и не высматривая дороги, а только пожирая плоды. Это уже Обломовы в собственном смысле... А бедные путники, стоящие внизу, вязнут в болоте, их жалят змеи, пугают гады, хлещут по лицу сучья... Наконец толпа решается приняться за дело и хочет воротить тех, которые позже полезли на дерево; но Обломовы молчат и обжираются плодами. Тогда толпа обращается и к прежним своим передовым людям, прося их спуститься и помочь общей работе. Но передовые люди опять повторяют прежние фразы о том, что надо высматривать дорогу, а над расчисткой тру-

даться нечего. – Тогда бедные путники видят свою ошибку и, махнув рукой, говорят: «Э, да вы все Обломовы!» И затем начинается деятельная, неутомимая работа: рубят деревья, делают из них мост на болоте, образуют тропинку, бьют змей и гадов, попавшихся на ней, не заботясь более об этих умниках, об этих сильных натурах, Печориных и Рудиных, на которых прежде надеялись, которыми восхищались. Обломовцы сначала спокойно смотрят на общее движение, но потом, по своему обыкновению, трусят и начинают кричать... «Ай, ай, – не делайте этого, оставьте, – кричат они, видя, что подсекается дерево, на котором они сидят. – Помилуйте, ведь мы можем убиться и вместе с нами погибнут те прекрасные идеи, те высокие чувства, те гуманные стремления, то красноречие, тот пафос, любовь ко всему прекрасному и благородному, которые в нас всегда жили... Оставьте, оставьте! Что вы делаете?» Но путники слышали уже тысячу раз все эти прекрасные фразы и, не обращая на них внимания, продолжают работу. Обломовцам еще есть средство спасти себя и свою репутацию: слезть с дерева и приняться за работу вместе с другими. Но они, по обыкновению, растерялись и не знают, что им делать... «Как же это так вдруг?» – повторяют они в отчаянии и продолжают посылать бесплодные проклятия глупой толпе, потерявшей к ним уважение».

«...Типы, созданные сильным талантом, долговечны: и ныне живут люди, представляющие как будто сколок с Онегина, Печорина, Рудина и пр... Только в общественном сознании они все более и более превращаются в Обломова. Нельзя сказать, чтоб превращение это уже совершилось: нет, еще и теперь тысячи людей проводят время в разговорах и тысячи других людей готовы принять разговоры за дела. Но что это превращение начинается – доказывает тип Обломова, созданный Гончаровым. Появление его было бы невозможно, если бы хотя в некоторой части общества не созрело сознание о том, как ничтожны все эти quasi-талантливые натуры, которыми прежде восхищались. Прежде они прикрывались разными мантиями, украшали себя разными прическами, привлекали к себе разными талантами. Но теперь Обломов является перед нами разоблаченный, как он есть, молчаливый, сведенный с красивого пьедестала на мягкий диван, прикрытый вместо мантии только просторным халатом. Вопрос: что он делает? в чем смысл и цель его жизни? – поставлен прямо и ясно, не забит никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало или настает неотлагательно время работы общественной...».

Отцы и дети

20 мая 1859 года на постоялом дворе барин лет сорока с небольшим, Николай Петрович Кирсанов, ждет своего сына Аркадия, который едет к нему в гости. Николай Петрович был сыном боевого генерала 1812 года. Подобно старшему брату Павлу, воспитывался дома, затем должен был поступить на военную службу, но в тот день, когда прислали известие, в какую часть его определили, сломал ногу, два месяца пролежал в постели и на всю жизнь остался «хроменьким». Николай Петрович обучался в университете в Петербурге, еще при жизни родителей, к немалому их огорчению, влюбился в дочку чиновника, хозяина его бывшей квартиры. Женился на ней, как только истек срок траура по родителям, и уехал вместе со своею Машей вначале на дачу около Лесного института, потом жил с ней в городе, потом переехал в деревню, где у них родился сын Аркадий. Супруги жили в любви и согласии, десять лет прошло «как сон», затем жена Кирсанова скончалась, он с трудом перенес этот удар, и только хозяйственные заботы и необходимость заниматься сыном спасли его. Он увез сына в университет в Петербург, прожил с ним там три зимы, старался заводить дружбу с молодыми товарищами сына, но в последнюю зиму приехать не смог и лишь в мае ждет сына к себе в гости на крыльце постоялого двора.

Аркадий приезжает не один, а с товарищем – Евгением Васильевичем Базаровым. Портрет Базарова: «Длинное и худое лицо с широким лбом, кверху плоским, книзу заострен-

ным носом, большими зеленоватыми глазами и висящими бакенбардами песочного цвету, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум». Аркадий познакомился с Базаровым недавно, так как отец, еще в прошлую зиму навещавший сына в Петербурге, не знал его. Отец делится с сыном хозяйственными проблемами, рассказывает, что скончалась его нянюшка Егоровна, а затем приступает к самому щекотливому вопросу: дело в том, что теперь в его доме живет молодая женщина Фенечка, и Николай Петрович не знает, как сын отнесется к этому известию. «Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля тянулись до самого небосклона, то вздымаясь, то опускаясь снова; кое-где виднелись небольшие леса и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги, напоминая глазу их собственное изображение на старинных планах екатерининского времени... Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно, мужички встречались все обтерханные, на плохих клячонках, как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам... «Нет, – подумал Аркадий, – не богатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием, нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы. Но как их исполнить, как приступить?..»

Пока они едут в усадьбу Кирсановых, Николай Петрович, сидя вместе с сыном в повозке, пытается читать стихи Пушкина о весне, но это не вызывает одобрения Базарова, который обрывает Николая Петровича на полуслове. По приезде в усадьбу Кирсанов предлагает сразу же поужинать. Появляется брат Николая Петровича – Павел Петрович Кирсанов, англоман, одетый в темный английский сюртук, галстук и лаковые полусапожки. «На вид ему было лет сорок пять; его коротко остриженные седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро; лицо его желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые продолговатые черные глаза; весь облик Аркадиевого дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большей частью исчезает после 20 годов». Павел Петрович пожимает руку племяннику, Базарову просто кивает. Молодые люди выходят из комнаты, и Павел Петрович сразу же выражает свое отрицательное отношение к тому, что в доме будет гостить «этот волосатый». За ужином Базаров практически ничего не говорит, но ест много. Николай Петрович рассказывает разные случаи из своей жизни в деревне, Аркадий сообщает несколько петербургских новостей. После ужина все расходится. Аркадию Базаров говорит, что дядя у него чудак, поскольку ходит таким щеголем в деревне. Впрочем, об отце Кирсанова Базаров отзывается с похвалой, хотя и отмечает: «Стихи он напрасно читает и в хозяйстве вряд ли смыслит, но он добряк».

На другое утро Базаров просыпается раньше всех, выходит из дома и тут же заставляет дворовых мальчишек ловить ему лягушек, которых он собирается резать, изучая на них анатомию. Базаров владеет особым умением возбуждать к себе доверие в людях низших, хотя обходится с ними достаточно небрежно и не потакает им. Николай Петрович разговаривает с сыном о Фенечке, сын несколько озадачен, что она не вышла к утреннему чаю и боится, не стеснил ли он ее. Не желая, чтобы молодая женщина стыдилась его, идет к ней знакомиться и обнаруживает, что у него есть маленький брат, относится к этому известию с восторгом. Когда Павел Петрович спрашивает племянника о том, что такое Базаров, Аркадий отвечает одним словом – «нигилист». Поясняя это понятие, Аркадий говорит, что нигилист – это человек, который «не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип». Павел Петрович возражает, что «без принципов жить нельзя» и что «без принципов можно существовать только в безвоздушном пространстве». Появляется Фенечка. «Это была молодая женщина лет двадцати трех, вся беленькая и мягкая, с темными волосами и глазами, красными и детски пухлявыми губками и нежными ручками». Затем появляется Базаров с мешком лягушек. На вопрос

Павла Петровича, что он собирается делать с лягушками – есть или разводить, Базаров равнодушно отвечает, что они необходимы ему для опытов. За столом Павел Петрович, узнав, что Базаров увлекается естественными науками, спрашивает, не по стопам ли «германцев» следует Базаров, так как они «последнее время сильно в этом преуспели». Базаров соглашается, что «немцы в этом наши учителя». На вопрос Павла Петровича, почему он столь высокого мнения о немцах, Базаров отвечает, что «тамошние ученые дельный народ». Павел Петрович выдвигает предположение, что «о русских ученых вы не столь лестного понятия», и Базаров говорит, что «пожалуй, так». На вопрос, правда ли то, что он не признает авторитетов, Базаров отвечает: «Да зачем же я стану их признавать? И чему я буду верить? Мне скажут дело, я соглашусь, вот и все».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.